

[Polaris]

А. СКАЧКО

МОЖЕТ БЫТЬ -
ЗАВТРА

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXXXIX

Salamandra P.V.V.

**Анатолий
Скачко**

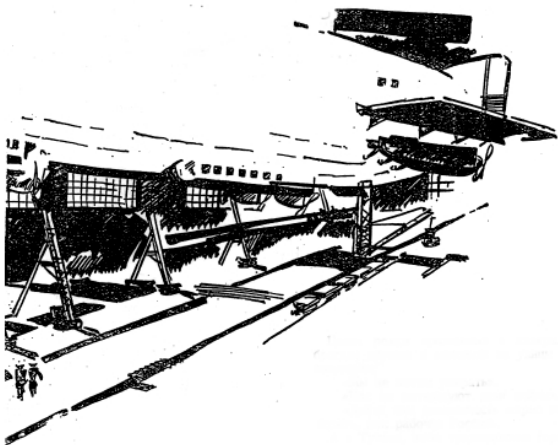
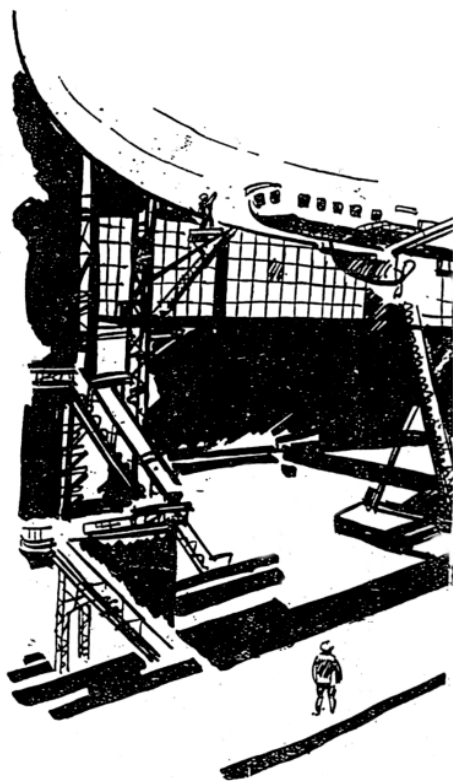
**МОЖЕТ БЫТЬ
— ЗАВТРА**

Salamandra P.V.V.

Скачко А. Е.

Может быть — завтра: Повесть. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 120 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXXXIX).

В книге представлен один из ранних образчиков советской «оборонной фантастики» тридцатых годов — повесть командарма А. Скачко «Может быть — завтра» о налете вражеской воздушной армады на Москву.

Анатолий Скачко

**МОЖЕТ БЫТЬ
— ЗАВТРА**

Илл. М. Храпковского

ПРОЛОГ

Война между Англией и САСШ, призрак, которой появился на горизонте раньше, чем высохли чернила Версальского договора, разразилась снова и опять, конечно, «против всеобщего желания» Вспыхнула так же неожиданно, от ничтожного повода, но разгораться начала такими неслыханными темпами, которые внушали ужас даже самым отчаянным милитаристам, искренне жаждавшим истребления всех врагов.

Уже с первых дней войны все видели, что борьба не ограничится только Америкой и Англией.

Экономические интересы капиталистического мира слишком тесно переплелись, чтобы в борьбу, вспыхнувшую между двумя гигантами, не тянулись другие державы. Коварный § 17 устава Лиги наций, обязывавший участников Лиги выступать против нарушителя мира, можно было толковать как угодно, а наступление американского капитала на рынки Европы уже давно било по интересам не только одной Англии.

В ответ на потопление своих судов американскими аэромаринами, блокировавшими английские берега, Франция первая объявила мобилизацию для защиты «свободы морей»... Другие государства так же спешно готовились, чтобы не упустить момента и вовремя выгоднее бросить меч на весы истории при наступающей дележке мира....

И, зная неизбежность войны, готовясь к ней, правительства Европы все-таки боялись сказать последнее решительное слово. Конечно, одной из важнейших причин этой нерешительности была боязнь собственного народа, боязнь масс, которые надо было вооружить, прежде чем бросить в бойню... На взрыв патриотизма, подобного июльским дням четырнадцатого года, теперь рассчитывать не приходилось. Пролетарии не забыли уроков мировой войны, проведенной на их плечах. Теперь уже трудно было науськать друг на друга людей в одинаково засаленных блузах толь-

ко из-за того, что они произносили одинаково им понятное слово «голод» на разных языках.

Пролетарии всех стран понимали, что драться друг с другом им не из-за чего. Тем более, что там, позади, стоял Советский Союз, не вступивший в войну и не желавший участвовать в этой войне.

И рабочие Запада понимали это. Понимали, почему русские рабочие имеют право оставаться за мирным трудом, когда они должны умирать во имя далеких им интересов.

Никогда мобилизации не проходили так неспокойно...

Целые полки призванных в казармы бросали оружие и выходили на улицы с лозунгами:

«Мы не хотим умирать».

«Нас не интересуют цели войны».

«Дайте нам возможность мирно работать, как рабочие России».

А в Тулоне, этом традиционном городе волнений, моряки и рабочие вышли на улицу с откровенными возгласами: «Да здравствует Французская социалистическая республика».

Три дня захватившие город рабочие и моряки отбивали войска правительства. Немецкий Стальной шлем и, итальянские фашисты потребовали срочного подавления беспорядков, опасных для их стран, предлагая выслать вооруженные отряды на помощь. Эмигрантский Союз белых армий и казачества объявил запись добровольцев для борьбы с мятежниками.

Но прибегать к их помощи не пришлось. Мятеж был раздавлен...

Французская буржуазия великолепно понимала, что вступать в войну с такими массами — это помогать революции. Но не воевать, добровольно вычеркнуть себя из списка будущих хозяев мира — еще хуже. Единственным выходом было «оздоровить» массы, оградить их от «тлетворного влияния» большевизма или — еще лучше — уничтожить самый источник разложения масс. Этот вывод не являлся неожиданным для политиков Елисейских полей. Они давно предугадывали неизбежное и уже в течение многих лет

с военной интервенции на юге в 19-м году, через тайные договоры, вооружение лимитрофных государств, хитрую сеть шпионажа и вредительства готовили удар по очагу революционной заразы — Стране советов.

Интервенция, назначенная на 1930 г. и подготовляемая французским штабом извне и вредителями изнутри, сорвалась и была отложена на неопределенное время.

И теперь это время пришло.

Все возраставшие в связи с войной волнения масс, согнанных на бойню, требовали спешить доплетать нити давних интриг с удесyтеренной энергией. Богатая добыча в случае удачи: довоенные долги, уголь и нефть, рынки сбыта, запасы сырья, — заставляли не жалеть золота для успеха выгодного дела.

Ненависть и золото подготовляли новую главу истории и в сетях хитрых интриг вытягивали на политическую арену людей, давно сданных в архив прошлого.

ЧАСТЬ I. ПАРИЖ — ВАРШАВА

Довольно потрепанный дешевый такси только что высадил седоков у входа в одно из бесчисленных кафе, сверкающих огнями вдоль Больших бульваров Парижа.

Шофер, пожилой, сидящий, почти старик, не успевает еще получить денег, как новые пассажиры, хорошо одетый молодой человек с подмазанной женщиной, подходят к машине.

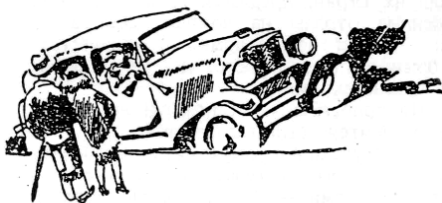
— За город, — бросает молодой человек, привычным жестом берясь за ручку дверцы.

Для шофера парижского такси, которому обычно часами приходится ждать седока, — это большая удача, да еще за город, по повышенному тарифу. Но странный шофер резко захлопывает дверцу перед носом женщины и грубо бросает:

— Не поеду, занят.

Удивленная парочка не успевает даже обидеться. Только уловив знакомый, привившийся всем на парижских улицах акцент, молодой человек успевает сказать:

— Не удивляйся, Марго. Это ж русский.

— Не поеду, занят...

Но шофер не удостоивает его ответом, нажимает педаль и, обдав облаком бензинной гари, скрывается за углом.

Такси едет очень долго. Он пересекает весь центр блестящего

Парижа, переезжает по мосту темные воды Сены и углубляется в узкие переулки предместий. Здесь, около одного старого облупленного дома, машина останавливается и гудит рожком. Почти тотчас же хрипит дверь и на улицу выходят три человека. Уличный фонарь освещает их фигуры, одетые в пальто, обычные для мелких служащих.

— Наконец-то, а мы думали, что вы уже не заедете, — говорит один из подошедших.

— Извиняюсь, господин полковник, — отвечает шофер. — Опоздание на десять минут из-за пассажира. Очень жалею, что заставил вас ждать.

— Ничего, — успокаивающе отвечает подошедший, — вы нас не задержали. Его сиятельство тоже опоздал.

— Да, — отвечает из темноты чей-то слегка заикающийся голос. — Хозяин задержал в магазине. Заставил подсчитывать пирожные, чтобы их не съел ночью сторож.

— Ну, а в общем хорошо, что вы заехали, — говорит первый, — а то все-таки неудобно на такое важное совещание приехать в метро.

Компания усаживается в каретку, и машина трогается. Она снова долго едет по улицам, но теперь уже в обратном порядке, от узких кривых переулков на центральные широкие улицы, залитые светом, с роскошными особняками за изгородью чутунных решеток.

Около одного из таких особняков, скрытого в густой зелени, машина замедляет ход и въезжает во двор.

Все четверо, включая и шофера, вылезают, входят в вестибюль, и тяжелая полированная дверь мягко захлопывается за ними. В прихожей лакей принимает от них пальто.

Что это? Не покатила ли история вспять? Откуда эти тени прошлого?

На всех, за исключением шофера, который, очевидно, не успел переодеться, русские военные мундиры, ордена, золото погон на плечах.

Лакей принимает карточки. Два полковника, генерал-майор. Только один штаб-ротмистр, но зато на карточке корона и перед именем славянской вязью «Князь». Несмотря на свои чины, ведут они себя очень скромно. В огромной приемной, где им приходится ждать довольно долго, они говорят тихим шепотом, хотя в комнате никого нет. Когда открывается дверь и появляется маленький старичок, все четверо вскакивают, сгибаясь в поклоне.

— Попрошу в кабинет, — жестом предлагает вошедший.

Старик пропускает всю компанию и, оглянувшись, тщательно затворяет дверь. В кабинете вошедших встречает еще один старик, годами помоложе, в безукоризненном фраке и ослепительно белом жилете.

— Представитель Промышленного комитета. Делегаты русского добровольческого корпуса, — взаимно представляет хозяин.

Но, очевидно, вошедшие знакомы. Они обмениваются рукопожатиями и рассаживаются в мягкие кресла.

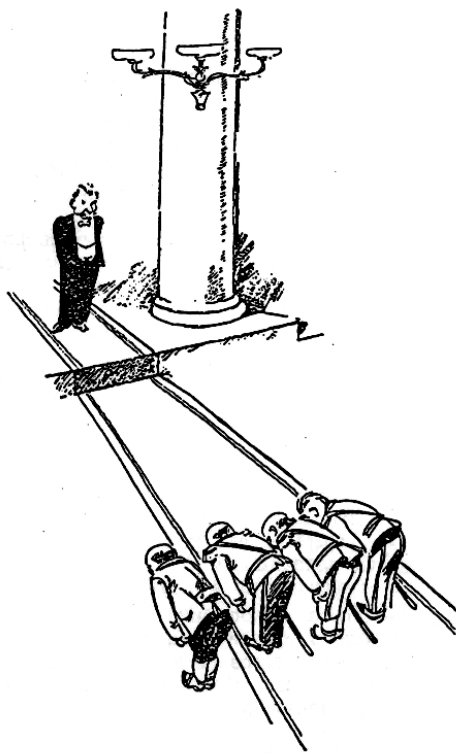
— Итак, — говорит хозяин, — приступим. Пусть каждый доложит, какие силы нам удалось собрать.

— Я, — говорит генерал-майор, — представляю организацию бывших корниловского, марковского и дроздовского полков, наводивших в свое время ужас на Красную армию.

— А в настоящее время сколько членов сохранилось в вашей организации? — резко перебивает его хозяин.

— В настоящее время я смогу собрать 500-600 человек как ядро, из которого, при наличии средств, можно будет сформировать дивизию из эмигрантской молодежи.

— О средствах мы будем говорить потом, когда вы нам покажете товар, — перебивает его представитель Торгпрома. — А у вас как? — обращается он к другому.

— Попрошу в кабинет..

— Я прислан сюда от 3 000 офицеров армии Врангеля,
— отвечает один из полковников.

— Из которых сколько существует только на бумаге? —
недоверчиво спрашивает промышленник.

— Недостаток средств не позволяет мне объехать все на-
ши отделения в стране; но я думаю...

— При отпуске денег вы сможете собрать тысячи две?
— прямо ставит вопрос старик.

— Думаю, что да.

— Теперь у вас как? — поворачивается сверкающий брил-
лиантами жилет к полковнику в штатском.

— Наша организация небольшая, но существует фак-
тически. Вот список с указанием адресов ее членов, — про-
тягивает тетрадь полковник-шофер.

«Генерал-майор Лейкин — сторож в Пале-Рояле.

Полковник Лебедев — швейцар в отеле.

Штаб-ротмистр Звягинцев — шофер такси.

Князь Пожарский — кельнер Мулен-Руж»... бегло про-
сматривает список старичок. «Сколько знакомых фамилий.
Приятнее иметь такую синицу в руках, чем многозначные,
ничем не подкрепленные цифры несуществующих полков».

— Господа, — вмешивается, заикаясь, князь. — Ваша
ошибка по отношению к нашим организациям в том, что
вы до сих пор не доверяете нам, отпускаете слишком мало
средств. Мы, офицеры русской армии, должны служить за
копеечное жалование, тогда как мы заслужили право жить,
не погрязая в материальных нуждах, и все силы отдавать
только на подготовку спасения России от большевиков. Мы,
проливавшие кровь за ваши интересы, вынуждены голо-
дать и бегать сутками в поисках работы. Что же удивляться
после этого, что организации чахнут, люди отрываются от
организаций, не видя никакой реальной помощи...

Представитель Торгпрома перебивает его, приподняв-
шись в кресле:

— Господа офицеры! Ваши нападки напрасны. Вы знае-
те, что мы, так же как и вы, пострадали от революции. Раз-
ница лишь в том, что вы потеряли все и должны трудом
добывать себе средства к жизни, мы же сохранили очень

небольшую часть состояния. С этими остатками, без фабрик и заводов, нам, конечно, не под силу было содержать в течение ряда лет все эвакуированные за границу остатки белой армии, но мы не теряли надежды, — старик совсем поднимается с кресла, говоря веско и значительно. — Наша заслуга в том, что мы тратили последние гроши, чтобы держать связь с теми, кто мог нам помочь, и теперь, с изменением общей обстановки, мы оказались правы. Наше время пришло. Нас оценили, и мы стали нужны. Теперь мы имеем в своем распоряжении такие средства, которых хватит на формирование белой армии любых размеров. Правда, нас осталось немного, — печально говорит он. — Армии, могущей решить участь борьбы с большевизмом, мы выставить теперь не в состоянии, но этого от нас и не требуют. Войну с большевиками будут вести более мощные армии, а мы необходимы как политическая сила, как представители страны и правительства, которое будет заключать мир. А потому с завтрашнего дня вы можете уже получать средства на формирование и усиление ваших частей. Но, — снова повышает голос старик, — для этого нам необходимо убедить кое-кого, что вы действительно существуете, как военная сила, и что данные вам деньги не будут выброшены зря.

— Что ж. Устроим парад белых полков перед могилой неизвестного солдата! — воодушевленно предлагает генерал.

Старик в кресле чуть улыбается.

— Ну, для парадов еще слишком рано, а вот выбрать вам кого-либо, кто поедет завтра со мной для переговоров как представитель объединенных белых армий, — это необходимо.

— И куда же поедете вы с этим выборным? — спрашивает с любопытством шофер-полковник.

Представитель Торгово-промышленного комитета не спеша закуривает сигару, затягивая для большего эффекта паузу, выпускает голубой дым и, взглянув искоса на засыпавших в напряженном ожидании офицеров, отвечает нарочито спокойно.

... а может быть и выше...

— Пока во французский генеральный штаб, а там, в зависимости от обстоятельств, может быть, и выше.

Так фабрикуют историю

Еще несколько дней тянутся нити, стучат ключами телеграфы, согласовываются витиеватым языком тайных дипломатических нот... Обрываются, пропадают в лабиринте улиц Парижа, у подъездов дипломатических миссий, снова петлями ведут к стильному в завитушках барокко особняку на Елисейских полях.

В кабинете, окна которого завешены густыми шторами и охраняются тройным нарядом полиции, появляются вновь знакомые лица представителя промышленности и генерала-корниловца. Кроме них, в кабинете еще двое. Правильнее именно с этих и начинать описание, ибо они сидят в центре за столом, а генерал и промышленник робко лежатся с краю на стульях.

Один за столом, низенький, упитанный, с кругленьким брюшком, румяными щечками и тщательно зализанными остатками седых волос.

Другой, в кресле напротив, сухой, жилистый, стриженный бобриком, с фигурой, вытянутой военными парадными.

У старика за столом на шелковом лацкане — алая ленточка Почетного легиона. У другого через всю грудь букет цветных нашивок, тщательно подшитый и имеющий, очевидно для понимающих, большую ценность.

В комнате молчание, пауза после только что конченного серьезного разговора.

Маятник старинных часов отбивает не менее 120 ударов, когда старик за столом первый прерывает молчание.

— Итак, ваше мнение, генерал.

Стриженный поднимает голову. Отвечает медленно, обдумывая каждое слово.

— Я взвесил все, господин министр. Вопрос этот давно принципиально решен нашими правительствами и будущим правительством России. Нам только поручено обсудить здесь те детали, которые облегчат возможность беспрепятственно осуществить возложенные на нас цивилизацией задачи.

Пухлые щеки того, кого называют министром, круглятся улыбкой.

— Будьте уверены, генерал. Европа всегда видела в Польше передовой форпост культуры против дикого варварства азиатского коммунизма. Правительство Франции поэтому всегда, всеми мерами поддерживало начинания Польши, способствовавшие проведению этой задачи на Востоке. Не стану вам перечислять всего, что дала Франция, но только для требуемого нам дела мы передали вам... — старик искося взглядывает на бумажку, лежащую под рукой, — ... передали вам сорок тяжелых аэропланов, двенадцать легких дирижаблей, шесть линейных цеппелинов и свыше 120 мелких летательных единиц. Так что ваши опасения, что с этими силами вы не сможете неожиданным ударом поразить коммунизм и освободить от большевистского ига братские вам народы, совершенно напрасны.

Старик в кресле поднимает голову.

— Дело очень трудное, господин министр...

— Вы не станете отрицать, что дело очень трудное, господин министр. Поэтому нам бы хотелось иметь определенные подтверждения того, что Франция согласна поддерживать справедливые требования Польши о восстановлении границ 1772 г.

— Правительство Франции всегда до сего времени было согласно поддерживать эти требования.

Щетинистая голова удивленно вскидывается вверх:

— А теперь?

Губы министра приятно улыбаются.

— Теперь, после тех услуг, которые Польша окажет миру в борьбе с большевизмом, правительства Европы и России, — старик делает жест рукой в сторону генерала и промышленника, которые молча склоняют головы, — с полным удовлетворением санкционируют законное желание жителей правобережной Украины слиться с единым по крови народом Польши.

— Вы сказали, правительства Европы? — с чуть заметным волнением переспрашивает поляк.

— Я говорю о тех правительствах, санкция которых имеет для вас значение...

— Но ведь правительство Англии всегда было против наших...

Розетка почетного легиона вздрагивает от торжественного вздоха.

— Обстоятельства с войной сильно переменились. Я говорю вам данные, согласованные с кабинетом его величества короля Англии. Вы, конечно, понимаете, что большинство рабочей партии в парламенте не позволяет сделать такое предложение вам лично, но... — строго добавляет ласковый старичок, — это же обстоятельство принуждает вас спешить с выступлением. Надо поставить парламент и нашу палату лицом к лицу с уже совершившимся фактом. Конечно социал-демократов можно, хоть и с трудом, заставить помолчать до времени, но комфракция, эта язва нашего строя, если она узнает, способна на все. В дипломатии, как и на войне, важна неожиданность.

Видно, что поляк сбит, робко пытается защититься.

— Ваши предложения столь неожиданны. Мое правительство еще не уведомлено...

Старик за столом стремительно напивает, не давая отступить. Тяжелыми ударами вклинивает в сознание слова.

— Время дорого. В переговорах легко упустить момент. Эта минута для вас наивыгоднейшая. Большого вы не получите. Вы уполномочены решать, и польский народ не простит, если вы испугаетесь и не воспользуетесь этим правом. От вас зависит, как ваше имя войдет в историю.

Чувствуя, что наступает критическая минута, молчавшие до сих пор «представители» России начинают волноваться. Они о чем-то быстро перешептываются, и промышленник, сверкнув бриллиантом, приподнимается с места.

— Разрешите добавить, — обращается он к поляку, — что мы документально обязуемся принять все меры к выполнению взятых здесь обязательств и гарантируем, что даже в случае восстановления самодержавия Россия не предпримет никаких агрессивных мер по отношению к Польше, проводившихся самодержавием ранее.

— И кроме того, — добавляет, приподнимаясь, генерал, — в освобожденных областях мы обязуемся формировать национальные русские войска, подчиняя их в оперативном отношении непосредственно польскому генеральному штабу...

— Видите, мы стараемся всем, чем можно, облегчить вашу задачу, — улыбается старичок с ленточкой Почетного легиона.

Министр Французской республики улыбкой и словами льстит польскому дипломату. А за круглыми фразами другие острые, колючие мысли: «А вдруг предадут? Не выступят? Оставят за плечами силу, не позволяющую поднять железную палку дисциплины, заставят вооружать против врага разложенный коммунизмом народ».

Но поляк оправился. Ему тоже понятны эти несказанные мысли. Уступки разожгли аппетит, он видит, что его товар — кровь — в цене и хочет взять за него все, что можно.

— Наши проценты вам...

— Французский банк отсрочит их на три месяца, на шесть, до конца войны...

— Наш воздушный флот может не справиться...

— Мы можем для полной уверенности операции дать вам еще 3-4 мощных цеппелина с нашей даже командой.

— Но наши соседи...

— В случае удачи Румыния выступит с вами. Латвии мы дадим... Эстонии мы представим... Русская белая армия уже сейчас ваша верная союзница. Мы ее вооружим по последнему слову техники.

Никогда министерство Франции не было столь уступчивым.

Наконец все кончено. Старик за столом незаметно вытирает платком капельки пота на лбу и достает изящный портфель с массивным замком.

— Полная тайна. Здесь я храню документы даже от семьи. Проект договора. Прочтите.

Поляк тщательно проверяет документы.

«Мы, правительство Французской республики... ставящее своей целью обеспечение культуры и цивилизации... к совместной борьбе против идей, подрывающих основы мира». Слова — пустяки. Вот нужное:

— Условия будущих границ, гарантия военной помощи. Кредиты. Стоп. 80 миллионов. Мало.

Министр Франции краснеет, как взбешенный школьник.

— Простите. Так было условлено раньше. Менять теперь не время.

Поляк непреклонен.

— Да. Но мы не учли паники на бирже. Мы не думали, что ваша финансовая мощь так покачнется. 100 миллионов едва покроют потерю на падающей валюте.

Люди во фраках сдержанно вежливы. Кабинет безупречно выдержан, но все-таки голый сенегалец, торгующий бананами на улицах Танжера, или торговка селедками на парижском базаре почувствовали бы здесь что-то знакомое, сближающее их с этими людьми, говорящими на языке высокой дипломатии. Выдержке даже дипломатов есть границы. Почетный легион трепещет на груди, точно лист в бурю.

— У нас упала валюта. Наша финансовая система покачнулась. (Ой, как закололо в боку: врач запретил волноваться. Проклятый поляк!) Знаете, правительство не уполномочило меня продолжать уступки до бесконечности.

Польский дипломат незаметно пожимает плечами.

— Хорошо. Мы можем подождать результатов ваших переговоров, — и, собираясь вставать, кидает на стол плотную пачку документов, которую держал в руках.

От удара голубой листок бумаги вылетает из пачки и падает к нему на колени. Элегантным движением на лету поляк ловит этот невиданный им документ и, перевернув, читает:

«Твое поведение безобразно. Ты третий раз забываешь оплатить счет моего ювелира, ставя меня в неловкое положение. Если ты не настолько обезумел с своими планами войны, что не забываешь отдыхать от них в моей кровати, то не должен забывать и платить за это. Не хочешь ли, чтоб я обратилась к твоей жене с просьбой оплатить счета любовниц ее мужа?»

«Секретные документы, которые берегутся от семьи», мелькает в голове поляка, но раньше, чем он успевает положить записку, старик за столом краснеет, румянец перелезает даже на нос и с живостью, невероятной для его тела, он перехватывает злополучную бумажку и, запихав в грудку документов, прячет все в стол.

И только после, опомнившись, ища выхода, сразу не думая, говорит:

— Эти документы вам не нужны. Все и так ясно. Вы просите 100? Хорошо. Пусть будет 100. Я согласен.

И когда сбегает с лица краска, уже взвесив, добавляет:

— Кабинет меня не уполномочивал, но для сохранения дружбы я надеюсь провести 20 миллионов дотации.

И, пожимая протянутую руку, еще раз не то официально, не то просительно добавляет:

— Только полная тайна. Никому ни слова о документах.

Поляк вежливо наклоняет голову.

В кабинет уже входят вызванные звонком чины министерства и стенографистки. Трещит машинка.

14.35-й тайный франко-польско-русский договор подписан сторонами.

Как делают патриотов

Такова была война для банкиров, генералов и политиков. Для людей же, стоящих на нижних ступенях социальной лестницы, эти же самые события случались совершенно неожиданно, якобы помимо чьей-либо воли и, поданные в умелом оформлении бульварной прессы, казались подлым нападением врага, от которого нет иной защиты, как браться за оружие и драться до последней капли крови.

Так думал о войне и Жан Жервье, механик завода Ситроен в Париже.

Уже один образ мыслей показывает, что Жервье не увлекался коммунистическими идеями и твердо верил социал-демократической партии, в которой, по его мнению, должен был состоять каждый квалифицированный рабочий, имеющий достаточно своего добра, чтобы не думать об экспроприации чужого. Он считал ниже своего достоинства читать «Юманите» и подобные ей листовки, и потому для него война началась неожиданно, не дав даже опомниться и сообразить происходящее.

Утром он работал, как обычно, на заводе.

До полудня все шло нормально. Ориентация Франции в войне тогда еще не была выяснена, и газеты не будоражили массы, печатая только официальные сводки.

Поэтому рев заводской сирены, раздавшийся ранее обеденного перерыва, изумил его так же, как и многих других рабочих. Они спешно бросали станки, выключали моторы, недоумевая, что произошло.

Работа сборочной мастерской, где был Жервье, замерла, точно насторожившись перед нарастающими событиями.

ми. Смолк рокот моторов. На сжатых стальных пружинах, на полутакте застыли клапаны, оборвав свою дробную стукотню. Сквозь решетчатое окно Жервье видел, как быстро пробежали рабочие в синих промасленных блузах.

Выйти из мастерской в рабочее время? Обычно это грозило увольнением.

Сейчас же двор заполняли все новые и новые группы, выбегая из всех дверей, оживленно жестикулируя и переключаясь.

Очевидно, случилось что-то важное, необычное, заставившее дирекцию сломать строгий темп напряженной работы! Что произошло, выяснилось скоро. Жервье еще не успел вытереть рук, как в дверь мастерской влетел заведующий, держа кипу каких-то бумаг.

Вытянувши из пачки нужный лист, он закричал:

— Военнообязанные 2-й мастерской! Бросайте работу. Срочно на призывные пункты! Объявлена мобилизация.

И, переходя с крика на ласковый бас, снисходительно добавил:

— За недоработанные часы фирма вам сегодня оплатит.

Много после Жервье понял, что все события были подготовлены умелой рукой. Не успел он переодеться и получить в конторе воинскую книжку, как со двора уже донеслись прыгающие, возбужденные звуки «Марсельезы».

Смолк рокот моторов...

Призывники завода Ситроен строились на дворе и в тяжелом топоте кованых сапог, выбивая такт, пели сотнями прокопченных глоток: «Идемте, дети, за родину, день славы наступил...»

Огромный заводской двор был залит до краев толпой рабочих. Жервье выбежал туда как раз в тот момент, когда тяжелые ворота только что распахнулись, выпуская начало колонны. В солнечном воздухе трепетали трехцветные флаги, и звонкоголосая медь оркестра рвалась из прокопченных стен фабрики.

Юркие сержанты в цветной форме зуавов бегали в толпе, сколачивая в строй ряды рабочих.

— Стройся, подтяни брюхо, грудь вперед! — кричали они, расталкивая синие блузы.

Ослепленный ярким светом, ошеломленный криками, получив сильный удар под ложечку, Жервье был сразу затиснут в шеренгу среди незнакомых лиц. Чья-то поспешная рука воткнула в борт пиджака трехцветную кокарду.

— Вперед, вперед! — закричали зуавы. Темная масса рабочих колыхнулась и, увлекая Жервье, под звуки оркестра двинулась со двора.

Шелестели флаги. Поднятый на руках, впереди криво плыл чей-то портрет.

Жервье понял, что их ведут на патриотическую манифестацию.

Густая толпа сразу облепила рабочих за воротами. Дикая рев потрясал воздух. Люди махали фуражками, кричали, лезли друг на друга, пробиваясь навстречу выходящим. Горящие глаза с жадностью были устремлены вперед. Многие молча, сосредоточенно работая локтями, пробивали себе дорогу к воротам.

Жервье взглядом проследил их путь.

Около контрольных будок почти незаметно белели маленькие плакаты.

Только напрягши глаза, можно было прочесть:

«Фирме Ситроен срочно нужны рабочие, не пригодные к военной службе. Возможен прием женщин».

Бледные, оборванные люди кричали «ура» уходящим, пробиваясь к воротам, чтобы стать за станки, на их место. Они приветствовали войну, как надежду на заработок, на кусок хлеба.

Острый взгляд зрителя, не затуманенного «Марсельезой», мог уловить все ускользающие штрихи. Изможденные лица, изношенные до предела костюмы безработных... Почти незаметный блеск стали в боковом переулочке... Там рота солдат, с примкнутыми штыками, жалась к стене, стараясь остаться незаметной.

Очевидно, она должна была сменить оркестр, если его музыка оказалась бы недействительной.

*

По мере приближения к центру становилось вселюднее. Переулки и улицы выбрасывали все новые толпы неистово орущих людей. Кепи сменялись котелками и шляпами. Элегантные дамы, размахивая руками, кричали в надрывном крике: «Да здравствуют герои! Ура нашим brave people!» Из окон густым частоколом торчали головы, и бесчисленные платки трепыхались в неистовых приветствиях. Высоко над головой вились аэропланы, гигантской кистью по голубому полотну неба выводя плывущие буквы: «Вперед за родину! Нет пощады врагу!»

Глотки хрипли от приветствий. Рождалась усталость.

— Куда нас ведут? Пора бы по домам, — раздавалось в рядах.

— Молчать! Узнаете, — грубо обрывали зуавы.

Рабочий, шедший рядом с Жервье, подался в сторону, пытаясь выйти.

— Назад, в ряды! — заметив это, крикнул сержант.

— Вы не можете меня держать. Я имею право проститься с семьей! — раздражаясь, крикнул рабочий.

— Пустите его! Мы знаем! Ему надо, он придет! — закричали из рядов.

— Молчать! — позеленев, крикнул зуав. — Твое право... вот твоё право!

Резиновая дубинка полукругом мелькнула в воздухе. Промасленные руки вытянулись вверх навстречу, защищаясь от удара. Толпа, заметив борьбу, обернулась, замерла на секунду, не зная, как реагировать.

И в эту секунду молчания чей-то пронзительный голос крикнул с тротуара:

— Ура зуавам! Бей коммунистов-предателей!

— Бей его! — густым ревом раскатилось в толпе.

Масса хлестнула вперед, живым клубком сгрудившись около побледневшего рабочего. Синие блузы из рядов кинулись ей навстречу. Плащи полисменов беспомощно заметались, бессильные оттеснить толпу. Строй рядов сломался. Жервье нос к носу столкнулся с знакомым механиком из соседней мастерской. Тот что-то кричал, обращаясь к нему. С большим трудом удалось услышать слова:

— Не зевай, парень. Сейчас можно удобно улизнуть!

— Зачем бежать? — изумился Жервье.

— Нас ведут в казармы, а оттуда черт знает когда отпустят домой проститься. Что нам будет, если мы удерем сейчас, а через сутки вернемся сами?

Предложение было заманчивым. Инстинктивное желание свободы невольно овладело Жервье. Механик понял его без слов.

— Тогда не зевай, держись за мной! — крикнул он и, рванувшись в сторону, юркнул в толпу.

— В ряды, каналья! — схватил его за руку сержант.

Но толпа как-то сразу кинулась навстречу, сбив сержанта и выкинув его вместе с Жервье далеко из строя...

Жервье в гуще рванулся вперед, отбиваясь от зуава. Над самым ухом где-то близко заливались свистки.

Но уже чья-то дружеская рука тянула его за собой, лавируя в толпе. Сначала через улицу, потом вниз по ступенькам в какую-то яму. Уже внизу, в темном коридоре налетели на чью-то фигуру, ставшую на пути. Знакомый голос сказал:

— Все в порядке, Жан. Наши все спаслись. Познакомься с этим товарищем.

Кто-то низко наклонился к Жервье, и чей-то удивленный голос воскликнул:

— Слушайте, да это же не наш, это Жервье из второй мастерской!

Другой голос ответил:

— Трудно было разобрать что-либо в этой давке. Что же? Раз он удрал вместе с нами, придется его задержать немного. Нельзя же выходить на площадь, открывая полиции наше убежище.

Мягкий голос ласково произнес:

— Садись, приятель. Придется тебе немного посидеть с нами.

Жервье послушно сел. Глаза, привыкая к темноте, начали различать кирпичные стены и узкую полоску света из плохого прикрытого люка. Сверху над головой гремел топот ног, и, слабая, долетали бравурные звуки «Марсельезы».

*

Колеса метро глухо постукивали под ногами. Освещенные квадраты окон вагона скользили по стенам туннеля, вырывая из тьмы кирпичи, покрытые плакатами реклам. Желтый свет электрической лампочки, тусклый после яркого света дня, освещал купе.

В спокойном качании вагона, мчащегося по подземным коридорам Парижа, быстро улеглось возбуждение, вызванное недавней борьбой и бегством.

Сейчас Жервье мог свободно разглядеть своих спутников. Один из них был молодой, почти мальчик, с веселыми голубыми глазами, знакомый моторист с завода. Другой лет тридцати, суровый, замкнутый, с бледным лицом парижского рабочего, знавшего нужду. Он с наслаждением курил папиросу, пуская к лампочке синеватый дым. Легкая довольная улыбка скользила у него по лицу.

— Ловко сработано. Не правда ли, Мишель?

Второй спутник улыбнулся, сверкнув веселыми огоньками глаз.

— Ваши ребята не подведут. Помнишь, Жан, первоймайскую демонстрацию? Тогда мы ловко расправлялись с ажанами*.

— Мы вовремя успели, — ответил Жан, — нас предупредили, что вас прямо с фабрики ведут в казармы. Такой наглости мы не могли ждать.

— Да, господа капиталисты действуют решительно. Прямо от станка, под «Марсельезу» в казарму. Получается, что рабочие на самом деле в восторге от войны.

— Ну, вряд ли они сами хоть немного верят в это. Иначе не стали бы прибегать к таким мерам...

— Все-таки ты должен сознаться, Жан, что нас на этот раз провели. В стенах казармы мы не сможем провести той кампании против войны, которую предполагали...

— Не бойся, Мишель. Офицеры и сержанты проведут ее за нас. Помни, что рабочие теперь не те, что были в 14-м году.

— Да, работа партии не пропала даром.

При слове «партия» Жан сжал брови, бросив искоса взгляд на Жервье. Спутники замолчали, уткнувшись в газету. Долго ехали молча под мерный рокот колес. Наконец Жервье надоело молчать:

— Куда же мы едем? — теряя терпение, спросил он.

Жан поднял голову, поглядел на Жервье и коротко бросил:

— Подальше от места свалки. В ваших интересах скрыться как можно дальше, чтобы ажаны не нашли концов.

— Но все-таки где же вы предполагаете вылезать? — переспросил Жервье.

— Там, куда мы уже почти приехали, — в Иври.

Он встал, приглашая Жервье следовать за собой. Поезд, скрежеща буферами, тормозил в раструбе подземного ко-

---

* Полицейские.

ридора. В окна плыла освещенная фонарями вывеска — «Иври».

*

Первое, что встретило их, когда они поднимались вверх, это заигранные, ставшие тошнотворными за день, звуки «Марсельезы» и рев толпы. Выйдя на землю, Жервье вновь ожидал увидеть знамена, трубы оркестров, марширующих людей. Но к удивлению площадь, на которую они вышли, была совершенно пуста. Мощный рев тысячи глоток стоял над совершенно пустым пространством. Только небольшая группа ребятишек стояла на площади, задрав вверх стриженные головенки. Прямо над ними зияло черное жерло радиорупора, изрыгавшее восторженные крики и гул «Марсельезы».

— Ну, вот, кажется, здесь сегодняшнее помешательство ни на кого, кроме этих малышей, не распространяется, — облегченно вздохнул Мишель.

На звук голоса малыши повернулись от рупора.

— Товарищи, вы не техники? — пропищал дискант, ставший бы солидным.

— А что тебе? — заинтересовался Мишель.

— Может быть, вы скажете, какой провод надо перерезать, чтобы эта штука замолчала?

Мишель невольно ласково улыбнулся ребятам, но, стараясь оставаться серьезным, спросил:

— А полиция?

Разочарование расплзлось по лицам ребят.

— Значит, вы тоже из их шатии? А мы думали — вы рабочие.

Старший из них махнул рукой. Все ребята повернулись и дружно, как по команде, крикнули:

— Фашисты! Коровы! Фашисты!

И сразу же, не дожидаясь ответа, прыснули во все стороны, сверкая голыми пятками.

Жан задумчиво улыбнулся.

— Жизнь учит даже ребят. Мы в детстве бегали впереди военной музыки, не думая, что она играет.

Мишель не ответил. Все трое пошли вперед через площадь. Она постепенно переходила в улицу, сворачивая в сторону.

Повернув за угол, Жервье поднял глаза и даже вздрогнул от удивления. На большом красивом доме, в конце улицы, раздувалось в небе ярко-алое полотнище флага.

Спутники, заранее ожидая эффекта, горделиво улыбнулись.

— Муниципалитет Иври. Все коммунисты. Пять лет, как здесь не снимается этот флаг, — пояснил Мишель. — А теперь вы свободны, — добавил он. — Здесь рядом идет трамвай, который доставит вас в город.

Гул толпы прервал его слова. Из боковой улицы, одновременно с ними, прямо к дому выливалась голова колонны, на три четверти состоящая из женщин.

Обтрепанные платья, стоптанные башмаки... У многих на плечах сидели ребята. В гуще женских фигур иногда мелькали мужские лица, но и те в большинстве были старческие, изрытые тяжелыми морщинами годов.

Над серой толпой цветными маками трепетали яркие полотнища:

«Верните из казарм наших мужей».

«Дайте им возможность проститься с семьей».

«Требуем от муниципалитета принять меры».

— Теперь нам не пробраться. Поспешим, — заволновался Мишель.

Но было уже поздно. Толпа нахлынула со всех сторон.

Пробраться вперед стало совершенно невозможно. Кругом них шли растрепанные женщины с распухшими глазами, плыли желтые восковые лица детей, поднимались руки, до неузнаваемости исковерканные работой.

Толпа тесно окружала здание муниципалитета.

На центральный балкон вышла группа людей.

Гул толпы приветствием поднялся снизу.

Человек без шапки вышел вперед к перилам и стал говорить. Гул толпы покрывал слова:

— Мы сейчас слишком слабы... Наши товарищи в палате арестованы... С часу на час мы ждем того же... Но не отказывайтесь от борьбы, товарищи... Смените нас... Помните... всегда... побеждает солидарность масс...

Рыдания женщин, вместо привычных аплодисментов, глухо прорывались в толпе.

Неужели и здесь бессильны? Кто же тогда сможет помочь? Кто освободит мужей, запертых в казармах?

На край балкона прыжком вскочил другой человек, протянув к толпе руку. Зеленая, защитная гимнастерка плотно облегла широкую фигуру. Распахнутый ворот открывал бронзовый загар шеи. Он начал говорить, точно бросая в толпу короткие слова на чужом языке...

Толпа затихла, прислушиваясь, пытаясь понять смысл чужих слов.

И, связавшись сотней напряженных глаз с каждым в толпе, человек в зеленом вдруг рванулся вперед и поднял руку, сжатую в крепкий кулак, бросил в море голов, покрывающих улицу, во всю силу легких близкое и понятное всем: «Rot Front».

— Красный фронт! — прокатилось по толпе, смывая слезы.

— Красный фронт! — Лес сжатых кулаков поднялся над толпой, силой жеста рождая веру.

— Красный фронт! — Корявые искривленные пальцы, давно в покорной работе отвыкшие сгибаться в кулак, складывались вместе, готовясь к удару; протягиваясь вперед в грозном предостережении.

Вперед, где на балконе зеленым квадратом плечей, потрясая сжатым кулаком, метался оратор, опять бросая вниз на чужом языке понятные слова.

И толпа внизу гулким ревом отвечала на каждую фразу.

— Единому рабочему фронту, красным фронтовикам Германии — ур-а!

Немцу, «проклятому бошу», в первый день войны отцы и жены французских мобилизованных кричали «ура»!..

Красным фронтовикам Германии—ура!

Кто первый услышал выстрелы, установить было трудно. Жервье только почувствовал, как толпа, точно упругое тело, сжалась и рванулась в сторону, увлекая его за собой. Истерические вопли женщин зазвенели в ушах...

На балконе заматались люди, пытаясь остановить бегущих.

Кто-то хрипло кричал в блестящий рупор, наклоняясь вниз:

— Спокойно, товарищи, спокойно!..

Но в это время новый сухой треск, точно в воздухе разодрали кусок коленкора, резанул по толпе и быстро вразброд, лопааясь пустыми пузырями, посыпался горох револьверной стрельбы.

Измученно-испуганный вопль вырвался из груди толпы:

— Стеляют!.. Стеляют!..

И в диком надсадном крике разнеслось:

— Спасайтесь, товарищи!..

Сильный толчок выбил землю из-под ног Жервье. Толпа метнула его в сторону, стащила вправо, бурным выплеском прижала опять к стене.

Почувствовав под ногами ступени, Жервье ухватился за подоконник.

Толпа схлынула, чуть не смыв его снова.

Теперь, на полтуловища выше всех, он мог свободно видеть происходящее. Толпа металась по улице, как в ловушке, окруженная со всех сторон.

Слева из переулка бежали люди в черных рубашках, вооруженные дубинками, дико размахивая ими над головой.

Справа от площади шеренга полисменов оттеснила толпу от муниципалитета в переулок. Под их прикрытием люди в черных рубашках ломались в здание, разбивая по дороге рамы и двери.

Стиснутые в середине, люди метались, давя друг друга, в страхе забиваясь в подъезды и подворотни. Цепь полисменов наступала, закрывая узкую воронку улицы. Между стеной и цепью осталась маленькая щель, которая сейчас должна была закрыться.

Медлить было нельзя. Жервье соскочил вниз и кинулся в свободный проход. Пять-шесть человек толпы, ища спасения, бросились за ним.

Откуда-то рядом оказалась молодая женщина, прижимавшая к груди ребенка. Сзади, тяжело дыша, наседа на пятки, бежал старик.

Заметив прорыв, крайние полисмены бросились навстречу. Резиновые палки замелькали в воздухе, глухо барабанила по спинам. Но было уже поздно. Жервье проскочил за две секунды до того, как сомкнулась цепь, свернул в переулок и, напрягая силы, побежал от свалки так, как не бежал никогда в жизни.

Три человека с одного корабля

Два часа спустя Жервье, испуганный легкой возможностью попасть в «государственные преступники», явился в казарму за назначением, и вечером того же дня поезд выкинул его на платформу пригородной станции Виль-а-Курбе, где стояла авиачасть, в которую Жервье был назначен.

Станция была маленькая, тихая, ничем не указывавшая, что здесь сосредоточены крупные воздушные силы.

Только ряд огромных, вытянувшихся в отдалении зданий, похожих на крытые вокзалы, отличал городок от других, подобных ему. Это были эллинги, в которых стояли гиганты французского военного флота.

Через пятнадцать минут по приезде Жервье уже сдал документы в канцелярии дивизиона и получил предписание явиться утром в распоряжение командира линейного цепшелина «Эгалите», на который был назначен механиком.

Пока же последнюю ночь он мог оставаться свободным гражданином. Сложив свои вещи в комендатуре, Жервье пошел побродить по городу. Город — это звучит гордо. На самом деле это был обыкновенный поселок, которых много под разросшимся Парижем. Кокетливые улицы, засаженные зеленью, сходились к центральной площади, на которой мерцали огоньки кино и единственного ресторана. Других достопримечательностей не было.

Реклама кино не соблазнила Жервье, и он предпочел ресторан. Здесь, в зале, уже чувствовалось оживление войны. Крохотное помещение ресторана было переполнено до отказа разношерстной публикой, еще не обезличенной военной формой, сглаживающей социальное положение. Резко выделялись военные мундиры, еще не обтянувшиеся на фигурах, крестьянские костюмы, кепи рабочих и фетровые шляпы интеллигентов.

Сразу было видно, что большинство здесь призванные, только что с поездов, с разных концов страны.

Жервье с трудом отыскал стул. Соседями оказались: круглолицый, уже пожилой, человек в деревенском костюме и молодой, бледный юноша в ультрамодном пальто.

За рюмкой вермута люди сходятся быстро. Не прошло и пяти минут, как все трое разговорились, как старые знакомые. Круглолицый, оказавшийся фермером из Бретани, овладел разговором.

— Как не вовремя эта война! Наша ферма осталась совсем без работников, — с грубоватым деревенским простодушием жаловался он. — Я не понимаю правительства. Ведь нам еще войны никто не объявлял. Неужели министерство не могло подождать до уборки урожая?

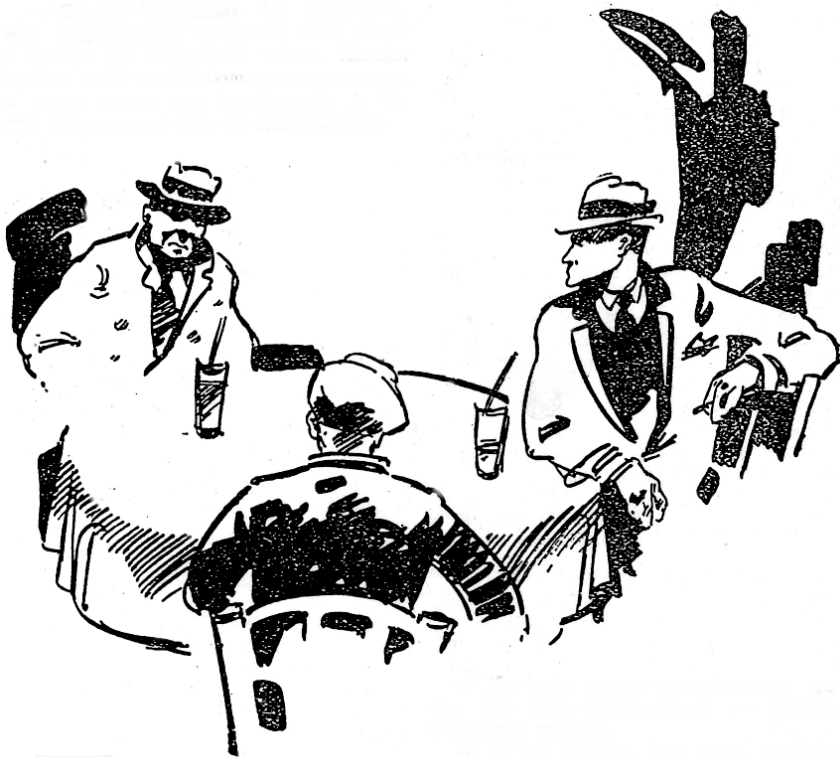
Молодой человек в модном пальто, снисходительно улыбаясь, ответил крестьянину:

— Когда война объявлена, поздно делать мобилизацию. Средства сообщения выросли колоссально. Теперь достаточно нескольких дней, и враги уже над Парижем.

— Ну, это вряд ли возможно, — усомнился фермер.

— Вполне возможно. Не забывайте, что американские пловучие базы могут в четыре дня переплыть океан. Каж-

дая из них несет до 60 больших аэропланов и имеет мачты для цеппелинов. А таких авиаматок у них не один десяток.

За рюмкой люди сходятся быстро.

— Но английский флот не допустит их к берегам Европы, — возразил Жервье.

— Не допустит? — усмехнулся молодой человек. — Английский флот постарается не допустить, да и то только в том случае, если будет нашим союзником. А вы знаете американский размах? Они даже при нашем нейтралитете не постесняются сделать из Франции базу для борьбы с Англией на европейском берегу.

— Я — враг войны, — с волнением произнес Жервье, — но если Америка попытается сделать это, весь народ станет на защиту страны, как один человек.

— Но пока никто не нападает, то что же нам волноваться? — упрямо настаивал фермер.

— Я же говорю, что надо заранее приготовить оружие, иначе будет поздно, — уже немного раздражаясь, ответил модный молодой человек.

Фермер укоризненно покачал головой.

— Слишком опасное средство. Когда оружие в руках, оно всегда может легко выстрелить.

— Нет, этого не бойтесь, — прервал Жервье. — Первыми мы не нападём. Правительство знает, что социалисты не поддержат захватнической войны. А социалисты — это сила. Это весь пролетариат.

— Ну, знаете, есть пролетарии, которые вообще против всякой войны и за свою шкуру, — с презрением в голосе ответил модный молодой человек. — А во-вторых, нападение иногда является лучшим способом защиты, и не нам с социальными теориями лезть в планы генерального штаба.

Фермер прервал его с нотками глухой ненависти в голосе:

— Вы очень хорошо рассуждаете о нападении, точно это для вас раз плюнуть. А вот я, который был на войне, скажу, что надо много и долго подумать раньше, чем ввязываться в драку.

— Я остался сиротой после войны, — с гордостью ответил Жервье, — и все-таки считаю, что когда нападают на родину, надо, не рассуждая, защищать ее. Внутри мы можем бороться сколько угодно, но против врага мы должны быть едины.

— Совершенно верно, — отозвался молодой человек, медленно потягивая вермут. — Только я считаю, что внутренняя борьба — совершенно напрасная растрата национальных сил. Капиталистический строй создан историей, и не кукле фанатиков перевернуть его в пять минут.

Круглолицый фермер с неприязнью взглянул на щеголеватого соседа.

— Вы так думаете?.. Очевидно, экономический строй сложился для вас достаточно благополучно. Разрешите узнать, кто вы?..

— Я назначен старшим штурманом на «Эгалите».

— Я тоже назначен на «Эгалите», только пулеметчиком, — прервал фермер. — Разница в чинах, как видите, порядочная, и с завтрашнего дня я уже не смогу сидеть с вами. Но там, в гражданском мире, вы кем были?..

— Я... у меня... — смешался молодой человек, — я, собственно говоря, служащий. Я работаю у дяди, у него фабрика измерительных авиаприборов.

— Ну, вот оно и понятно, — усмехнулся фермер. — Ну а вы, — обернулся он к Жервье, — как ваш дядя? Наверное, он если не фабрику, так уж фабричку имеет.

— Нет, я — пролетарий, — гордо ответил Жервье, — кроме собственных рук, у меня нет никакой другой собственности.

Лицо фермера выразило неподдельное изумление.

— Легкая же у вас была, видно, жизнь, если вы до сих пор сохранили такие розовые взгляды. На социализм вас, видно, сагитировала не жизнь, а книга. Мне что-то не верится, что вы прошли через горн войны.

— Да, я могу считать, что был на войне, хотя и не участвовал в ней, — с обидой в голосе произнес Жервье. — Правда, я был совсем ребенком, когда наша деревня попала между линиями фронта, но до сих пор я помню все, что пришлось пережить нам.

— А после в войсках служили? — переспросил фермер.

— Шофером при штабе в Париже.

— Сладкая жизнь — парады и чаевые от дам, — улыбнулся фермер. — Тогда вашим убеждениям грош цена. Ваша восторженность рассеется, как дым, от первого хорошего боя.

— Никогда! — загорелся Жервье. — Даже смерть не уничтожит моей любви к родине.

— Правильно, — поддержал молодой человек, поднимая бокал, — выпьем за патриотизм — это святое чувство, возвышающее человека над материальными целями. А вот вы, — с легким презрением обернулся он к фермеру, — вам, кажется, мало знакомо это чувство?..

— Я не меньше вас люблю родину, — скупой обронил фермер, — и работаю на нее так, как сумею работать все, то ни одного куска на ней не осталось бы невозделанным, но воевать... — Он стал еще серьезнее, говоря глухим голосом. — Воевать я иду без охоты. Это слишком жутко и на энтузиазм меня не хватает.

— Но почему же это для вас так жутко, когда ваш сосед в этом ничего страшного не находит? — недоумевая, пожал плечами молодой человек.

Лицо фермера потемнело.

— Вы слышали, как он воевал, и вспомните сами. Дуомон, Верден, Во! Вы были тогда тоже ребенком, а наверное, эти слова самые жуткие из воспоминаний вашего детства, а я там был сам... 20 тысяч снарядов на квадратный километр. Вот, если после этого дождя вы скажете, что готовы без колебания идти на войну, то тогда я вам поверю. А я испытал это и имею право говорить то, что говорю. Вот это право...

Фермер быстрым жестом засучил рукав пиджака. Выше кисти вся рука была изуродована темными пятнами и буграми. Он указал на них пальцем.

— Когда немцы бесчисленный раз брали Во, меня оставили с пулеметом защищать то, что когда-то называлось фортом. Мы взорвали фугас и засыпали немецкий огнемёт в ста шагах от нас. Бежать им было нельзя. Землей им придавило ноги, и вот они, умирая, жарили нас огнем, испекли двух товарищей и прожгли мне руку, пока я успел продырявить их из пулемета. — Фермер резко потрянул головой, точно отгоняя воспоминания. — С меня довольно войны.

Молодой человек, помолчав для приличия, поднял бокал.

— Довольно грустных воспоминаний. Старое забыто. Выпьем за новую войну, столь же блестящую и победоносную, как и прошлая!

Соседние столики подхватили тост. Крики смешались со звоном бокалов. Жидкий оркестр, сбиваясь, заиграл «Марсельезу». На эстраду выбежали две женщины, одна в синем, другая в полосатом костюме, с французским и американским флагами в руках. Начался танец, в котором Франция наступала, а Америка позорно удидала в уголки сцены под улюлюканье подвыпившей публики.

В самом конце номера, когда Америка была почти повержена, из-за кулис вышел конферансье, стараясь придать своему лицу грусть, прошел по сцене и поднял руку, останавливая оркестр. Музыка смолкла. Сидящие за столиками повернулись к сцене, чувствуя что-то важное.

— Господа! — стараясь сохранить на лице выражение скорби, произнес конферансье. — Только что получено сообщение. Американскими гидропланами потоплены в проливе Па-де-Кале девять пароходов, шедших в Англию, из них четыре под французским флагом. — Конферансье набожно поднял глаза. — Почтим память погибших мучеников!

Сидящие в зале поднялись, как один человек. Секунду стояло молчание. Потом сразу тишина точно треснула, рассыпавшись проклятиями и выкриками. Люди стучали кулаками, роняя посуду, лезли друг к другу, точно сразу готовясь сцепиться с невидимым врагом.

— Гнусность американцев не знает границ. Мы потеряли пять лучших генералов, погибших на наших потопленных американцами кораблях. Значит, они давно готовились и подвели к нашим берегам авиабазы, с которых летают истребители. Ладно, долго им не продержаться. Завтра днем наша разведка все равно откроет их. — Конферансье снова поднял руку. — Господа! Месть уже поразила негодаев. Самолеты нашей береговой охраны сбили два американских гидроплана. Слава нашим героям!

Оркестр заиграл туш. Крики восторга потрясли стены. Покрывая рев, в залу прорывался голос конферансье:

— В честь нашей первой победы администрация распорядилась выдать всем посетителям по бокалу шампанского. Желаящие отпраздновать победу торжественней могут требовать у гарсонов шампанское лучших марок от 20 франков за бутылку.

Где-то уже хлопали откупориваемые пробки. В зале кричали «да здравствует Франция» так, что звенели хрустальные подвески запыленных люстр.

Молодой человек из своей бутылки налил в стаканы соседей.

— Ну что ж? Выпьем за первую кровь? Видите, не мы начали ее проливать.

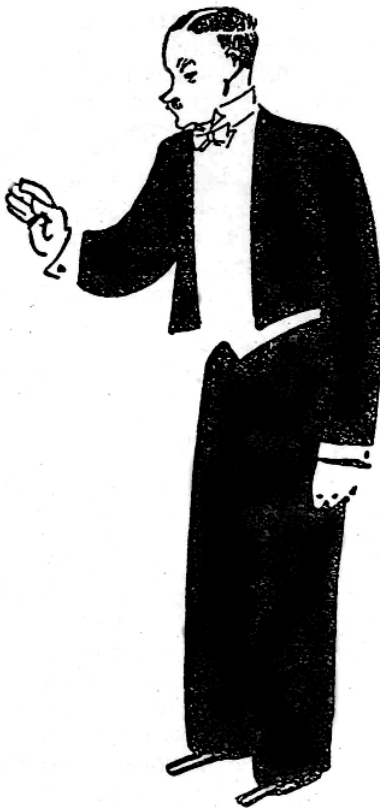
Взволнованный Жервье, расплескивая, схватил стакан и крикнул высоким, срывающимся голосом в ревущую залу:

— За погибших героев!
За Францию! За месть бандитам!

Круглолицый фермер, вздрогнув от его крика, нерешительно потянулся к стакану.

— Что же? Приходится воевать. Видно, не мы начинаем. Не будь я Пьер Фуке, если я теперь, как двадцать лет назад, не сумею всадить ленту льюиса в брюхо бегущей цепи.

Он чокнулся с Жервье и молодым соседом, деловито выпил стакан и, уже ставя его на стол, добавил тихо, почти не слышно, больше для себя:

На сцену вышел конферансье.

— Но 20 тысяч снарядов на километр! Это тяжело, вы не знаете, как это ужасно тяжело....

Покупают людей

Линейный цеппелин «Эгалите», газоизмещением в 82 тысячи кубических метров, был выпущен всего год назад с правительственных верфей ля-Бурже и после пробного полета в Южную Африку, выяснившего большие недостатки системы, зачислен в резерв судов французского воздушного флота.

Теперь, в связи с мобилизацией, его вместе с двумя другими кораблями этого типа спешно пополняли командой и приводили в боевую готовность.

Огромный, скупо освещенный элинг кипел работой и грохотал молотками, когда Жервье наутро после ночной попойки явился для представления командиру.

Работа кипела всюду. Громадное двухсотметровое тело дирижабля со всех сторон, как муравьями, было облеплено людьми. Даже под самым куполом, качаясь на веревочных люльках, копошились фигурки с кистями, перекрашивая гиганта в темносерый, боевой цвет.

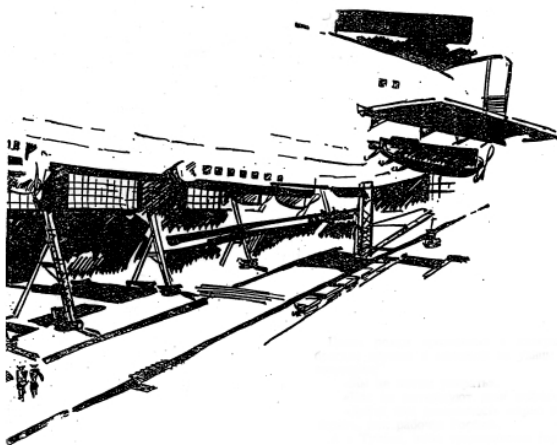
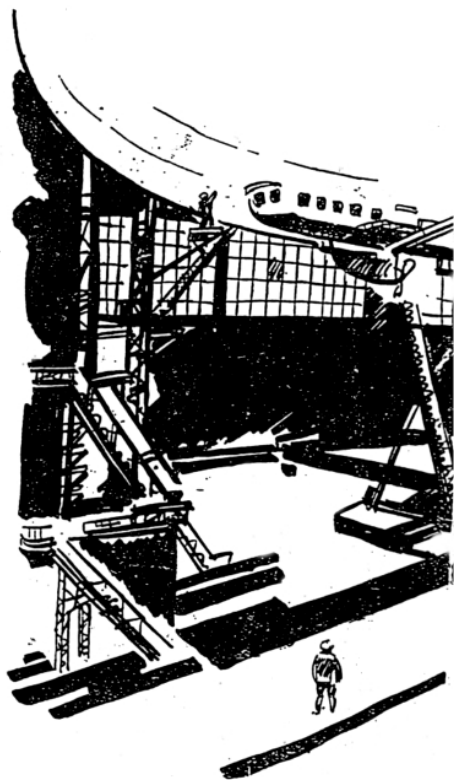
Еще выше, под потолком, скрипели вагонетки, тяжело нагруженные баллонами с сжатым газом.

Люди бегали и суетились, занятые своим делом, подгоняемые царившей спешкой. Среди этой сутолоки Жервье с трудом отыскал группу офицеров и пробрался к ней.

Найдя глазами наибольшее число нашивок, вытянулся, стараясь по-военному собрать отвыкшую от строя фигуру.

— Господин капитан! Распоряжением по дивизиону назначен механиком на вверенный вам корабль и прибыл в ваше распоряжение.

Офицер на минуту оторвался от чертежей, небрежно пробежав глазами по фигуре Жервье.

— А, хорошо. Кадровый или мобилизованный? Вижу, что из запаса. Пуговицы не застегнуты. Мундир не сходится, говорите, растолстели. Ну, ничего, здесь скоро похудеете. — И, уже отворачиваясь, кивнул другому офицеру:

— Лейтенант де Журден, вот новый механик в ваше распоряжение.

Бледное лицо офицера повернулось к Жервье и осветилось подобием улыбки.

— А, вчерашний знакомый! Очень приятно.

Не дожидаясь ответа, офицер уткнулся в записную книжку.

— Ага, вот вам. Вторая моторная гондола. Мотор Нэпир 1 000 сил. Знакомы с нэпирами? — И опять, не дожидаясь ответа, крикнул в пространство:

— Су-лейтенант Рабине! Прибыл новый механик. Будьте добры, покажите ему место.

На этот раз подошедший коренастый человек даже ткнул Жервье руку, милостиво бросив в виде приветствия:

— Идите за мной, парень, я покажу вашу нору.

Жервье двинулся за су-лейтенантом. От зашитого в броню носа с блестящей золотом надписью «Эгалите» они пошли вглубь, мимо зеркальной стенки командорской кабины, миновали центральную боевую рубку с грозно торчащими орудиями, прошли мимо двух аэропланов, подвешенных под брюхом гиганта, и наконец остановились около задних кабин, где помещались моторы.

Они находились на корме, в противоположном конце от дверей эллинга, и здесь было почти темно. Электрические лампочки только еще больше разбивали слабый дневной свет.

Су-лейтенант Рабине остановился, указывая на зализанную в круглых линиях и отполированную кабину.

— Ну, вот ваше рабочее помещение. Жить вы будете наверху, во втором коридоре. Каюта небольшая, три метра, но вещи сложить хватит. Максимум тридцать кило, — добавил он, — иначе остальное выкинут.

Показав кабину, больше похожую на легкую скорлупу, закрывающую помещенный внутри огромный мотор, Рабине опять вышел наружу и заговорил уже более дружеским тоном.

— Значит, эта кабина будет ваша. Правая — механика Бертье. Помощник ваш скоро прибудет. Место у вас спокойное, от начальства далеко, связь только телефоном. Единственный недостаток, в бою довольно опасно. Корабли этого типа слабо защищены с кормы. Под хвостовым оперением всего три пулемета, но зато кто управляет этими пулеметами? Бывший герой Вердена.

Рабине подошел к корме, приподнялся на носках и стукнул в фанерную переборку:

— Эй, дядя, пулеметчик Вердена, выгляни-ка на минутку!

Маленький, чуть заметный люк откинулся внутрь, открыв острое дуло пулемета. В следующую секунду пулемет отъехал вглубь, а на его месте выглянуло круглое, полное лицо в песочном кепи.

— Дядя Фуке, — произнес Рабине, — вот познакомься, новый механик левой кабины, под твою защиту.

Лицо в люке повернулось к Жервье и расплылось в улыбке.

— Черт возьми, старина! Я вас не узнал, до того вас изменила военная форма.

— Вы уже знакомы? — удивился Рабине.

— Как же, как же! — заулыбался Фуке. — Еще вчера в ресторанчике вместе выпивали.

— Ну, ладно, — вдруг вспомнив, что он начальник, прервал су-лейтенант. — Довольно болтовни, займитесь делом. Вы, Жервье, проверьте мотор, а вы, Фуке, налаживайте пулеметы. Через час я приду. Поторапливайтесь, помните, что вечером назначен пробный полет.

Но даже и часу Жервье поработать не пришлось. Прошло не больше сорока минут, когда резкий сигнал трубы зазвучал в эллинге. Жервье не успел стянуть парусиновой рабочей куртки, как в дверь раздался стук. Голос Фуке крикнул ему снаружи:

— Поскорее, друг, трубят общий сбор!

Наскоро оправляя мундир, Жервье выскочил из кабины и вместе с Фуке побежал вдоль дирижабля. Команда уже построилась у самого носа. Су-лейтенант Рабине издали жестами звал их, показывая место рядом с собой.

Жервье едва успел стать в ряды, как старший офицер, повернувшись к фронту, отдал команду:

— Смирно! Равнение направо!

В эллинг вошел капитан «Эгалите», сопровождая толстого генерала, командира дивизиона тяжелых кораблей.

Приняв рапорт старшего офицера, генерал обернулся к капитану и, наклоняясь, спросил полусшепотом, чтобы никто не слышал:

— Вы уверены, что команда надежна?

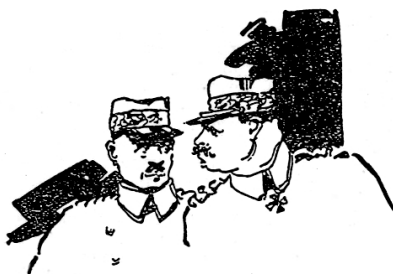
— Сами знаете, министерство приняло все меры, — неопределенно пожал плечами капитан. — В связи с задачей, возложенной на дивизион, отбор был очень строгий. Большинство команды — участники войны или же по особой рекомендации.

— Хорошо. Я попытаюсь подействовать на них, — коротко ответил генерал. Он сдернул с руки перчатку, вышел вперед и, отдавая честь фронту, крикнул:

— Здорово, орлы!

— Гав, гав, гав, гав.... — гулко будя эхо под железными сводами, ответил строй. Генерал подождал, пока улягутся отзвуки, подошел ближе и начал говорить тише, уже более человеческим голосом.

— Молодые орлы воздушного флота! Мы собрались здесь по первому зову республики, для того, чтобы грудью защитить родину от дерзкого посягательства врага. Я скрывать не стану, война неизбежна. Нынче ночью американцы потопили еще 9 французских кораблей, шедших в порты Британии. Наши летчики,

— Вы уверены, что команда надежна?

ских кораблей, шедших в порты Британии. Наши летчики,

охраняя суда, сбили еще три американских гидро. Фактически война началась вчера, и дипломатические сношения должны неизбежно прерваться. Война нам не страшна, я верю, что в союзе с Англией мы победим, но опасно другое. Вы знаете, что дни тяжелых испытаний враги всегда пытаются использовать для своих интриг. Побежденные враждебные державы на востоке давно с завистью смотрят на богатство и славу Франции, с нетерпением ожидая момента, чтобы напасть на нас. Но, к счастью, у нас есть могущественные друзья, готовые помочь Франции и защитить ее от нападения. Они зорко наблюдают за нашим врагом, но их техническая мощь слабее вражеской, и потому они обратились к нам с просьбой помочь им в этом. Мы всегда готовы помочь друзьям, и военное министерство постановило передать дружественной державе три линейных крейсера типа «Эгалите», как все равно снимаемые с вооружения армии.

Генерал сделал паузу и еще ближе подошел к строго.

— Теперь моя просьба к вам, друзья. Покупая эти корабли, дружественная держава не обладает техническими силами, способными управлять ими, и потому просила меня обратиться к команде этих крейсеров с предложением временно перейти к ней на службу в качестве инструкторов для обучения новых кадров. Со стороны нашего военного Командования никаких препятствий к этому переходу не встречается. Офицерский состав уже изъявил свое согласие. Служба в армии дружеской державы будет рассматриваться как служба в рядах французских войск и в случае боевых действий награждаться как защита родины.

Генерал опять сделал паузу, внимательно всматриваясь в лица, и стал еще ласковее.

— Конечно, насиловать мы не будем. Каждый волен отказаться и в случае нежелания будет переведен в часть на территории Франции. Итак, друзья, я жду вашего решения здесь и немедленно.

Генерал смолк. Темная фигура с нашивками сержанта шагнула из рядов.

— Разрешите узнать. Вы упомянули о боевых действиях. С кем могут намечаться боевые действия дружеской нам державы?

Генерал сердито закусил губы.

— Мы не намерены, да и не можем заранее наметить противника. Возможно, вам совсем не придется воевать, а если придется, то с тем, с кем обязывает вас присяга. С врагами страны.

— Но враг чужой страны может и не быть моим врагом, — упрямо ответил сержант.

Генерал покраснел, злобно покусывая усы.

— Я не намерен вступать в споры. Мне нужно только знать, согласны вы или нет.

— Тогда я не согласен, — громко ответил сержант.

Генерал обернулся к капитану.

— В таком случае этого вычеркните из списков. У меня есть распоряжение: всех нежелающих переводить в пехотные части в Мозамбик, на Мадагаскар.

При этих словах сержант побледнел, вздрогнув, как от удара. Генерал искоса взглянул на него, скользнул взглядом по нашивкам и прибавил:

— Конечно, не сержантом — рядовым. Вакансий нет, но зато это же на территории Франции.

Жервье, тоже вышедший из рядов, медленно попятился назад. Генерал с ласковой улыбкой повернулся к нему.

— У вас тоже есть вопросы?

— Я...м...м...м... — страшно выпучив глаза, запнулся Жервье. — Я, собственно, хотел узнать, какие материальные условия новой службы?

— Двести процентов надбавки к жалованью и по прошествии трех месяцев годовой оклад в награду.

Изумленный шепот пронесся по рядам. Генерал насмешливо улыбнулся:

— Не правда ли, друзья? Неплохо? Думаю, что вряд ли еще кто откажется.

Видя, что строй молчит, повернулся к капитану, опять наклонился и тихо, уже ему одному, шепнул:

— Ну, вот видите, вы боялись. Команда сохранена, все в порядке. Мы выгадываем на этом минимум два дня. Теперь распустите ребят и приготовьтесь. Завтра вечером назначим отлет.

За родину и цивилизацию

Неисправности в управлении «Эгалите» задержали эскадру, потому дивизион смог вылететь с аэродрома Вилья-а-Курбе только двадцатого.

Отлет был произведен ночью, в строгой тайне, с неосвещенного аэродрома и без огней на кораблях.

Перед отлетом все три команды выстроились около эллинга, и командир дивизиона сказал короткое напутственное слово, первый раз назвав по имени «дружественную державу» и место назначения.

Как многие догадывались раньше, этой державой была Польша, а место назначения — Варшава.

После этого команды заняли свои места. Прозвучал короткий сигнал. Заработали электромоторы. Огромные здания эллингов стали медленно разворачиваться на оси, становясь воротами против ветра, чтобы случайный прорыв не смог разбить о стену выводимые корабли. Маленький трактор, пигмей по сравнению с машиной цеппелина, осторожно потянул «Эгалите» из черной пасти эллинга. Один за другим все три корабля были выведены на аэродром. Еще раз прозвучал сигнал. Последние канаты, связывавшие корабли с землей, упали в траву, и темные сигары корпусов медленно поплыли в воздух...

Моторные кабины по роду выполняемой работы не требовали большого обзора, а любопытство механиков конструктор очевидно при расчете не учитывал. Поэтому для Жервье все ощущения полета были лишены зрительных впечатлений. Через круглые иллюминаторы кабины только в самом низу проходила узенькая полоска горизонта, на котором светлыми точками блестели огоньки городов.

Но Жервье и не интересовался землей. У мотора было достаточно работы, и не оставалось времени на любование ночным пейзажем. Писк телефона и огоньки сигналов все время требовали различной работы мотора для маневров корабля.

Только когда эскадра выстроилась и пошла на восток с постоянной скоростью, стало немного свободнее.

Жервье присел на маленькую скамеечку у стены и задумался.

Итак, все кончено. Две тысячи метров отделяют его от родной земли. Сомнений в том, может ли он служить или должен отказаться, больше не может быть. Он наемный ландскнехт, солдат чужой армии, обязанный за деньги драться с тем, на кого укажут. Ни любви, ни ненависти от него не требуется. Тебе платят — должен служить. Правда, обещают, что Польша будет охранять Францию от нападения с тыла. Иллюзия защиты родины есть. Ну а если Польша пустится в самостоятельную авантюру, не связанную с Францией, тогда что? Коммерческий расчет. Работать как мясник, получая сдельно с каждого трупа? Ведь порвать договор и уехать на родину он уже не может. Родина сама оттолкнула его, отказавшись от горячего желания защищать ее. На душе Жервье было смутно и тяжело. Расставленные в чинном порядке, незыблемо утвержденные годами спокойной жизни убеждения как-то сдвинулись и смешались под влиянием событий последних дней, и теперь он с трудом разбирался в них, стараясь создать хоть какой-либо порядок. Но ничего не получалось.

Правда, за спешкой напряженной работы ему некогда было думать. Это первые свободные минуты за три дня.

Но и они кончились быстро. Надоедливый телефон запищал над ухом. Жервье, взяв трубку, узнал голос сулейтенанта Рабине.

— Алло, старик, как у тебя дела? Все в порядке? Тогда сдай мотор на пять минут помощнику и приходи ко мне. Мне надо поговорить с тобой.

— Есть, — коротко ответил Жервье. Идти не хотелось, но он все же встал, обращаясь к помощнику:

— Я ухожу, смотрите за мотором. Чуть что, вызовите меня..

Не спеша он поднялся по маленькой лестнице и, откинув люк, вылез во внутренний коридор.

Рабине уже ждал его там.

— Здорово, старик, — неестественно развязно приветствовал он. — Я хотел узнать, как твой мотор. Хорошо работает, не капризничает на новом газе?

— Нет, все в порядке, мотор работает хорошо, — с легким удивлением ответил Жервье.

Рабине перебил его:

— Замечательное изобретение, — как-то крикливо, оживляясь, заговорил он. — Бензин у нас заменен легкой горючей смесью, накачанной в газгольдеры. Убиваются сразу два зайца. Газ дает подъемную силу, а по мере того, как сжигается моторами, на пустое место в отсеки пускается воздух, так что летные качества от перемещения центра тяжести при пустых бензиновых банках тут не меняются. Ты никогда не видел этого устройства? Хочешь посмотреть, как помещаются газгольдеры в отсеках?

Су-лейтенант говорил быстро и путаясь. Жервье чувствовал, что он его вызвал вовсе не для того, чтобы показывать устройство корабля. Однако он покорно пошел за Рабине.

По алюминиевой лестнице они поднялись кверху и вышли в узкий коридор, проходивший, очевидно, над жилыми каютами команды. Рабине повернул выключатель и зажег свет. Ряд больших, круглых, плотно прилегающих крышек шел по обеим сторонам, уходя в неосвещенную глубину. На некоторых из них резко бросались в глаза красные дощечки с черепом и надписью:

Осторожно. Горючий газ.

— Вот, — указал Рабине на одну из них, — ваше топливо. В остальных отсеках — гелий. Он не горит. Когда вы

видите на камерах эти дощечки, то можете спать спокойно. При боевой готовности газгольдеры во всех отсеках наполняются гелием. Иначе один снаряд может взорвать все судно.

Рабине прошел по коридору до того, места, где тот кончался плотной глухой стенкой.

— Вот конец моим владениям. Из боязни пожара весь корпус разделен четырьмя глухими переборками, так что в своем участке я бог и царь.

Он повернулся от стенки, опять обращаясь к Жервье.

— Видишь эти круги, старина? Это ходы в газовые камеры. Там, внутри, вторая дверь. Надо плотно закрыть за собой одну и только тогда открывать другую. Иначе весь газ утечет. По этим камерам я с ребятами должен лазить во время боя и залатывать дыры, которые нам пробьют враги, но... — Рабине наклонился к Жервье и произнес, подчеркивая каждое слово:

— Стоит мне случайно не закрыть плотно хотя бы шести камер, и наша колбаса неизбежно сядет на землю. Особенно если прихлопнуть единственный трап, ведущий сюда. Ведь ломать стену — долгое дело.

Рабине сделал паузу, пристально вглядываясь в лицо Жервье, и рассмеялся, показывая, что он пошутил.

— Конечно, только сумасшедшему может прийти в голову такая идея, но все-таки как много в теперешней войне зависит от надежности человека.

Помолчав несколько секунд, Рабине потушил свет, и они снова спустились вниз. В нижнем коридоре Рабине наконец решился. Он схватил Жервье за руку и шепнул, наклоняясь близко к уху:

— Слушайте! Мне надо сказать тебе кое-что, только без лишних ушей. Пойдем в кормовое помещение. Если Фуке нет, значит, он дрыхнет в своей каюте, и нас никто не услышит.

Кормовое помещение, о котором говорил Рабине, находилось в самом конце коридора и представляло из себя маленькую бронированную каюту, в которой помещались пулеметы и скорострелка, охранявшие рули корабля. Каюта

была пуста. Рабине пропустил Жана и плотно захлопнул дверь, став к ней спиной.

— Жервье, ответь мне честно на вопрос: ты член социалистической партии?

Жервье, удивленный вопросом, на секунду запнулся, но быстро взял себя в руки и ответил спокойно:

— Ну, хотя бы. Разве это запрещено?

Рабине улыбнулся одними губами.

— У нас на корабле такая публика, что даже признать себя социалистом надо иметь мужество;

Он близко наклонился к Жервье и заговорил совсем тихо:

— Я не из любопытства спрашиваю тебя об этом. Я наблюдал за тобой еще тогда, когда эта толстая каналья разговаривал с нами в эллинге. Я заметил, что его песни тебе не очень понравились, и ты только молчал.

— Ну а что же было делать? — нахмурился Жервье. — Ехать на Мадагаскар, в лапы желтой лихорадки? Уж лучше отслужить три месяца, тем более что в Польше войны может и не быть

Рабине хитро улыбнулся.

— А зачем же тогда Польша так спешно требует цепелины? Для защиты? Странно. От какого «нападающего» врага могут защитить махины, почти не имеющие орудий, но могущие сбросить на землю тысячи кило бомб? Нет, дорогой мой, нас наняли для нападения и нападения очень спешного.

— Но что же тогда делать? Мне вовсе не хочется воевать за Польшу, — растерянно улыбнулся Жервье.

Рука Рабине осторожно коснулась его локтя:

— Делать есть что. Я и вызвал тебя поговорить об этом. Нам надо организовать и постараться увильнуть от этого грязного дела. Это можно сделать, если бы команда у нас не была такая аховая. Нарочно подбирали маменькиных сынков и шкурников, готовых за десять су продать родного отца. Но все-таки попали некоторые ребята, с которыми можно рискнуть поговорить.

— А кого мы можем привлечь еще, чтобы подать протест? — радостно встрепенулся Жервье.

— Протестами ничего не сделать, — резко оборвал Рабине. — Надо действовать решительнее.

— Но как же ты думаешь действовать?

— Как — это мы решим потом, — уверенно бросил Рабине. — Главное — это организовать. Я еще на земле хотел поговорить, с тобой, но не мог...

Сухой щелчок пружины прервал его фразу. Люк, ведущий на наружную площадку, откинулся. Чьи-то ноги в кованых сапогах свесились, нащупывая ступени. Заговорщики напряженно следили, как из люка выползала человеческая фигура. Наконец ноги коснулись пола. Человек встал и повернулся.

Знакомое песочное кепи бросилось в глаза, но лицо, круглое, добродушное лицо пулеметчика Фуке, было почти неузнаваемо. Оно горело, искаженное гневом, страшное, без обычной улыбки.

Он быстрым движением захлопнул люк, сделал шаг вперед и, точно пронзая приятелей взглядом свирепых глаз, прошипел в наступившую тишину:

— Вот что, ребята. Коли беретесь за дело, так умеете делать чисто. Иначе не избегнуть вам веревки за глупость.

Потом лицо его начало меняться. Хорошая, ласковая улыбка зажглась в глазах, вытесняя свирепость. Фуке подошел ближе, наклоняясь к сидящим:

— Вы не малые ребята. Надо быть осторожными, старики. Ваше счастье, что на площадке был я один.

Из люка выползала человеческая фигура.

Сын нового отечества

Без происшествий пролетев под покровом ночной темноты через Германию, эскадра утром следующего дня благополучно спустилась на польском аэродроме, в пяти километрах от Варшавы. Аэродром был маленький, плохо оборудованный, не приспособленный к приему больших цепелинов. Два корабля пришвартовали к причальным мачтам, а «Эгалите» пришлось завести в деревянный, наскоро сколоченный сарай, очевидно, из польской гордости носивший название эллинга.

Вечером этого же дня команде было выдано польское обмундирование, и дивизион тяжелых кораблей окончательно переменял свое подданство.

Однако в город команды не отпускались. Приходилось ютиться в маленьких тесных каютах, не приспособленных под жилье; для прогулок предоставлялась только площадка аэродрома, обнесенная густой колючей изгородью. Но и это было уже много и позволяло уединяться для разговоров, не требующих лишних ушей.

Здесь, у железной изгороди, в дальнем, мало посещаемом углу аэродрома, поэтому и состоялось первое по спуске на землю общее собрание заговорщиков, руководимое су-лейтенантом Рабине.

Для отвода глаз перед приятелями на газете были разложены колбаса, сыр, хлеб, кружка вина и прочая снедь, дававшая вид завтрака на свежем воздухе.

Рядом валялись квадратные фуражки, и блестящие орлы над большим козырьком топорщили на них крылья, широко разинув острые клювы.

Рабине говорил, размахивая кулаком в такт словам:

— Нам надо привлечь механика второй гондолы Лавалья. Хоть у него кет крепких убеждений, но он сильно боится войны и пойдет на всякое дело, дающее больше шансов на спасение, чем воздушная драка. Наша ближайшая задача — обработать его. Тогда можно считать, что четверть корабля в нашем распоряжении.

— Ну, а что мы будем делать с этой четвертью? — спросил Фуке. — Объявим на ней республику?

— Нет, мы постараемся набрать три четверти и тогда предъявим ультиматум. Под угрозой восстания нас должны будут отправить на родину.

— И заставят драться с американцами? — усмехнулся Фуке.

— Боже мой, да я ведь только и хочу не быть наемным ландскнехтом! — воскликнул Жервье.

Рабине, оборвав речь, чуть насмешливо посмотрел на него.

— Ну, кто чего хочет — это дело личное. У всякого из нас своя цель, объединившая нас вместе. Вам, например, чего хочется, Фуке?

— Я хочу поскорее вернуться к себе на ферму и без продырявленной шкуры, — грубовато ответил Фуке. — А вы из-за чего волнуетесь, господин су-лейтенант?

Рабине пытливо посмотрел на собеседников, усмехнулся и молча вытащил из кармана маленький красный билет с перекрещенным серпом и молотом.

— Так вы... ты коммунист? — сразу слились два голоса.

Рабине быстро спрятал билет обратно.

— Да, ребята, наша цель — помешать всякой национальной резне.

— Но как вам удалось попасть на «Эгалите»? — в волнении переходя на «вы», изумился Жервье.

Рабине ответил вопросом:

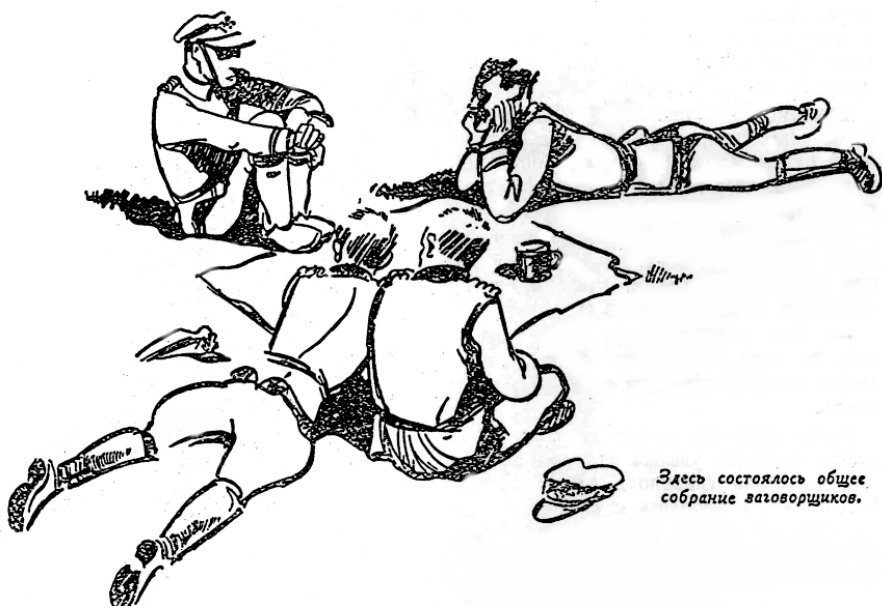
— А если в генштабе есть люди, сочувствующие нам? Могут они послать, рискуя даже собой, несколько человек на корабли, летящие в Польшу?

— Так значит... — воскликнул Жервье, вдруг осененный страшной мыслью, — мы участвуем в коммунистическом заговоре?

Рабине скупно усмехнулся.

— Если тебя так интересует политическая этикетка, скажи вернее: мы участвуем в коалиционном заговоре для достижения общей цели, — отправки на родину с наименьшими репрессиями.

Здесь состоялось общее собрание заговорщиков.

— Нет, все-таки так нельзя, — заволновался Жервье. — Я не могу верить красным, я не бездомный и не бродяга, чтобы идти за коммунистами.

— Что же? Тогда иди за начальством, — заметно сдерживая волнение, предложил Рабине.

— Брось, старик, — вмешался Фуке. — Не все ли равно? Я не хочу носить этот мундир, и я хочу на родину, а кто нас туда поведет — социалисты, коммунисты или сам черт, не все ли равно?

Жервье встал, отыскивая фуражку.

— Нет, я не могу. Вы не бойтесь, Рабине, что я вас выдам, но я не могу.

Рабине тоже встал.

— Я не боюсь, Жервье. Ты вернешься сам. Иного выхода нет, мы должны быть вместе.

Больше он не сказал ни слова. Через аэродром все трое шли молча. Только у самого ангара удивленное восклицание вырвалось из груди Фуке. Нос «Эгалите» торчал из сарая, но привычной золотой надписи уже не было. На ме-

сто ободранных букв группа рабочих прилаживала широкую доску с красной надписью: «Данциг». Другая группа, на командорской рубке, укрепляла тощего, точно некормленного, общипанного, но весьма заносчивого орла, такого же, как был у них на пуговицах мундира.

Все трое изумленно остановились, наблюдая работу.

Су-лейтенант Рабине повернулся к Жервье.

— Вы патриот, Жервье. Отдайте же честь новым эмблемам, которым должны служить.

Жервье не ответил. Подручный моторист выскочил из кабины, с веселым криком бросаясь навстречу.

— Ура! С радостью! Можете получить у казначея по триста марок, и выметаться на три дня в город.

Курс на восток

Попав в Варшаву, Жервье остановился в одной из лучших гостиниц города. Ведь у него в кармане было столько денег, сколько раньше он зарабатывал почти за месяц упорного труда, и эти деньги надо было истратить за три дня. Что ожидало дальше, после этих дней, ему не хотелось думать. Хотелось верить, что три дня — это обычная формула отпуска, после которого потянутся ровные дни казарменной жизни. Чтобы заполнить время, Жервье занялся осмотром города, бегал по музеям, театрам, по вечерам посещал рестораны. Здесь чаще всего приходилось встречать знакомых как с «Эгалите», так и с других судов эскадры. Команды, точно прибывшие в порт моряки, спешили расшвыривать деньги, нарочно закрывая глаза на завтрашний день.

Как раз в последний вечер в одном из дансингов Жервье опять встретился с лейтенантом Ля Журденом.

Лейтенант был пьян, с женщиной, и поэтому милостиво обошелся с подчиненным. Он почти насильно заставил Жервье выпить бокал шампанского.

— Пей, — приказывал лейтенант, — пей до дна. Может быть, больше пить не придется. Пей за удачу, с которой мы завтра двинемся на восток.

— Париж на западе, — попытался возразить Жервье, но лейтенант перебил его.

— Запад отрезан. Только летя все время на восток, мы сможем, может быть, добраться до родины.

«Завтра... восток...» шевельнулось где-то у Жервье, но выпитое вино тушевало все розовой краской, не оставляя в жизни ничего страшного. Легкий выход был найден.

За первым бокалом последовали следующие. Пьяный фокстрот легко закружил огоньки дансинга.

Дальше было опять вино, цветы, приколотые к шуршащему шелку платья, подушки автомашины, холодный, но не трезвящий ветер в лицо, женский смех, огни навстречу, окна витрин, опять фокстрот, уже в другом, переполненном дансинге и снова вино...

Проснулся Жервье утром у себя в номере от резкого стука.

Яркий солнечный свет пробивался через шторы, прокладывая светлые дорожки на блестящем паркете. Сквозь окно доносились трамвайные звонки и шум оживленной улицы. Очевидно, было не рано, но вставать не хотелось. Все тело было точно вареное, в голове стучало, рот пересох и распух. Обрывки воспоминаний заставили с отвращением вспомнить прошедший вечер. Жервье с ужасом подумал, что надо вставать и ехать в казармы.

Новый резкий стук подкинул его на кровати. Кто-то колотил в дверь сильными частыми ударами.

Шлепая босыми ногами, Жервье побежал к двери.

— Кто там?

— Это я, Рабине, открой скорее! — прозвучал за дверью взволнованный голос. Жервье быстро повернул ключ. Су-лейтенант ворвался в комнату, не здороваясь, срывая на ходу фуражку.

— Еще спишь? Я тебя с вечера ищу. Где ты был?

Он осмотрел Жервье и презрительное выражение скользнуло по его лицу.

— Пил? Молодец. Так и полагается каждому наемнику перед боем. Тебе известно, что сегодня ночью мы вылетаем?

Смутные обрывки фраз всплыли в голове Жервье.

— На восток?

Рабине быстро повернулся, хватая его за плечи.

— Ты уже знаешь, против кого мы летим? И единственным протестом с твоей стороны было напиться до бесчувствия? Жервье, я знаю твою мягкотелость, но такой подлости от тебя не ждал.

Глубокое презрение в тоне больно хлестнуло Жана.

Он ответил с искренней обидой в голосе:

— Ты ошибаешься, Рабине. Я ничего не знаю. Лейтенант Ля Журден мне больше ничего не сказал.

Рабине испытующе поглядел на Жервье:

— Это правда? Тогда слушай. Я только что с аэродрома. Все готово к дальнему полету. Мы погрузили сорок тонн иприта, и нынче ночью должны вылететь.

— Но куда же? — переспросил Жан.

Су-лейтенант оглянулся, наклонился вплотную и, блестя широко открытыми глазами, шепнул, разорвав пересохшие губы оскалом зубов.

— Ты сам сказал: на восток, в Москву.

Жервье инстинктивно поднял руки, точно защищаясь от удара, и, сразу теряя голос, хрипло бросил:

— Ты ошибся. Россию не посмеют тронуть. Ведь у них нет даже намека на обострение.

Рабине нетерпеливо дернул его за рукав, оборвав фразу.

— Ты не маленький, Жервье, а у меня нет времени объяснить тебе политическую обстановку. Мы сами не ожидали, что это случится так скоро, но факт остается фактом. Мы только болтали, а теперь пришло время решить, как надо действовать.

— Этого не может быть, — растерянно упирался Жервье.

— Это есть, — коротко оборвал Рабине, — и нам пришло время действовать. Нападение будет неожиданным. Все делается в тайне. Удар должен быть решительным и смертельным.

Рабине вздохнул, торопливо набирая воздух.

— Почти все вооружение с кораблей снято и заменено газом. Рассчитывают дойти без боя, но потом нас откроют, и это означает неизбежную гибель от русских эскадрилий. Ради верного удара нас приносят в жертву.

Он вскочил, нервно зашагав по комнате.

— Но это нам на руку. Команда все видит. Это агитирует лучше всяких слов. Будь в нашем распоряжении хоть два дня, наша организация смогла бы поднять весь флот.

— Ну, а теперь что ты намерен делать? — загораясь надеждой, потянулся к нему Жервье.

Рабине остановился, обернувшись на полном ходу.

— Теперь нам приходится действовать самостоятельно. Я верю тебе и Фуке и предлагаю вот что. Как только эскадра перелетит границу, я открываю газгольдеры, и мы садимся на землю. Чтобы никто не смог пройти навверх к камерам, Фуке повернет свои игрушки против коридора, и тогда целая дивизия нам не страшна. Как только бросят якорь, мы под панику захватываем центральную кабину и даем радио, предупреждая правительство Союза.

— Ну, а дальше? — опять опускаясь, хмуро спросил Жервье.

— В центральной кабине есть наблюдательная люлька. Мы или бежим в ней на землю или нас убьют. Все-таки больше шансов спастись, чем в воздухе. Ну как, согласен?

Жервье упрямо мотнул головой.

— Нет. Не иметь возможности вернуться на родину?! Остаться навсегда жить в чужой стране?! Нет! На это я не согласен.

— Но что же ты намерен делать?

Этот простой и ясный вопрос точно пригвоздил на месте Жервье, захватив его врасплох. В самом деле, что делать? Единственно, что можно, — это бежать в посольство и требовать отправки на родину. Но им запрещено являться туда. И разве там не знают, куда и зачем вылетают сегодня прилетевшие из Франции корабли?

Недаром им сменили песочные кепи республики на фуражки с одноглавым орлом, чтобы умыть руки в том, что они будут делать.

В посольстве делать нечего. Официально они даже не французы. Они наемные ландскнехты. Люди без родины!

Без родины! Эта мысль неожиданной новизной ударила в голову, осветив другим светом все происходящее.

Но если родина сама отказалась от него, продала, как барана на бойню, за что он должен быть ей обязан, делать по ее приказанию то, против чего протестует все существо?

Раз родины у него нет, он может поступать только, как хочется, свободный от долга перед ней. А тогда выход ясен. Рабине прав!

— Ну, что, решил? — точно читая его мысли, спросил внимательно наблюдавший Рабине.

— Решил, — медленно, с трудом вырывая из себя и еще раз взвешивая каждое слово, тихо ответил Жервье, — я должен помогать тебе. Другого выхода нет.

— И на помощь родины больше не надеешься?

— Ее нет у нас, — грустно и убежденно ответил Жервье.

— Правильно, Жан! Но мы найдем ее там, где опустится наш «Эгалите». Скорее на аэродром! Пусть мы первые зажжем в воздухе такое восстание, какое зажег на море Андре Марти.

Резкий стук в дверь прервал его слова. Раньше, чем они успели что-либо ответить, дверь медленно отворилась, и квадратная фуражка польского солдата просунулась в комнату. В следующую секунду щель раскрылась шире и в нее боком пролезла вся фигура пулеметчика Фуке.

Не говоря ни слова, он закрыл дверь, плотно задернул штору и только тогда, повернувшись к приятелям, укоризненно и свирепо прошептал:

— Второй раз мне приходится вам напоминать — не вести серьезных разговоров, не убедившись, не слушает ли кто под дверью.

— Ты здесь давно и слышал все? — со смущением, граничащим с испугом, прошептал Рабине.

— Не только слышал, но и не одобряю вашего плана, — утвердительно ответил Фуке. — Незачем лезть на рожон и ломать себе шеи. Вы знаете мой принцип. Скорее обратно на ферму и без продырявленной шкуры, и потом...

— А судьба Москвы тебя несколько не интересует? — возмущенно перебил Рабине.

— Вот именно поэтому я и не одобряю рискованного восстания. Радио, которое вы дадите, даже в случае удачи будет слишком поздним и за два-три часа уже не спасет город.

— Но как поступать иначе?

— Быть немного внимательнее... — Фуке оборвал речь, подойдя к умывальнику, стена над которым, по обычаю всех отелей, была обита плакатами на линолеуме, — видеть то, что вам предлагают. Читайте.

— «Пилюли Вальда», патефоны «Рекорд», салон и дансинг «Палас», — удивленно стал перечислять плакаты Рабине.

— Нет, ниже, -- где рисунок антенны. Читайте: «Акционерное общество «Радио Польска» предлагает всем желающим для переговоров свою пригородную станцию. Мощность усилена». Видите точку справа, внутри круга слышимости, — это Москва. Большого нам не надо. А охраняется эта станция, наверное, меньше, чем наша на «Эгалите», то есть, простите, «Данциге».

— Но кто же нам поверит? — перебил его Жервье.

— Поверят, когда проверят, — ответил Фуке. — А еще лучше, если Рабине найдет здесь таких людей, которых знают в Москве.

Рабине встал и, подойдя к Фуке, крепко пожал его огрубелую ладонь.

— Ты прав, как всегда, старина. Восстание на «Эгалите» будет слишком поздним. Нам надо радио захватить здесь. А людей, которые нам помогут, я найду.

Радио из Варшавы

За два часа до вылета из Польши, командир «Данцига» срочным рапортом донес начальнику эскадры, что на вверенный ему корабль из отпуска не возвратились: су-лейтенант Рабине, младший механик Жервье и пулеметчик Фуке.

На рапорт командующим флотом была наложена краткая и выразительная резолюция:

«Сообщить полиции. Разыскать, арестовать и расстрелять».

На срочную телефонограмму префекта по районам один из постовых сообщил, что около шести часов он видел, как на Центральной улице трое военных, по приметам похожие на разыскиваемых дезертиров, в сопровождении четвертого штатского, сели в такси и уехали в направлении Праги..

Начальник полиции срочно предписал отыскать такси, стоявшее в шесть часов на Центральной, и выяснить, куда шофер отвез пассажиров. Распоряжение было передано в центральный гараж, где и обещали это сделать, когда все машины соберутся на ночевку, т. е. не раньше, как через четыре-пять часов...

Такси, номер которого полицейский не заметил, обратило на себя не только его внимание. Шофер так бешено гнал машину по улицам, что проклятия многих прохожих сыпались ему вслед.

Однако ехавших даже эта быстрота не удовлетворяла.

Всю дорогу они волновались, смотрели на часы и требовали прибавить ходу. Прельщенный обещаниями чаевых, шофер развил предельную скорость и доставил пассажиров на вокзал как раз к отходу одного из дачных поездов. Уже на ходу им удалось вскочить на площадку. Там они и оставались всю дорогу, нервно курая и перекидываясь короткими фразами на иностранном языке.

На третьей остановке маленькая группа соскочила на платформу и быстро скрылась в парке, тянувшемся вдоль пути. Скоро они снова вынырнули по другую сторону парка, на поляне, около маленького здания, где в темнеющем небе слабо рисовались ажурные переплеты высоких антенн.

За забором уже горело электричество, освещающая в наступающей полутьме двор и вывеску:

«РАДИО ПОЛЬСКА»

Три человека прижались к забору. Четвертый подошел и, помедлив минуту, решительно нажал звонок.

Маленькое окошечко отворилось в воротах, квадрат света упал на военный мундир, выделив блестящее серебро нашивок.

Дверь немедленно растворилась. Привратник почтительно посторонился, пропуская военного.

— Как мне пройти к передатчику? — строго спросил вошедший.

— Без пропуска не можно, пане! — закланялся сторож. — Я вам вызову коменданта, вы с ним...

Он не успел кончить. Чьи-то сильные руки схватили его сзади, и смоченный чем-то острым платок упал на лицо. Топот ног и грохот запираемой двери — было последнее, что дошло до его сознания...

Пять минут спустя из контрольной будки вышли четверо и, пройдя через двор, остановились у входа в станцию.

Сквозь закрытую дверь громко доносился жужжащий звук умформера и чьи-то шаги по кафелю.

— Работает! Включать не придется! — тихо прошептал человек в штатском. — Итак, начнем. Ты берешь на себя машинное, он стережет охрану, а мы идем к микрофону. Передавать буду я!

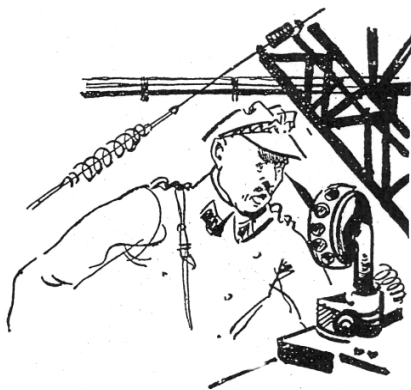
Молчаливые кивки толовой были ему ответом.

Человек в штатском переложил в правую руку браунинг, осторожно открыл дверь, и все четверо бесшумно вдавились в помещение. Минуту была тишина. Потом внутри здания кто-то громко и удивленно вскрикнул, зазвенело разбитое стекло, прозвучали чьи-то торопливые шаги, и снова все смолкло... Только один умформер жужжал по-прежнему спокойно и монотонно.

Бесчисленные радиолюбители, принимавшие в этот вечер лекцию по сельскому хозяйству, услышали в трубках какой-то странный шум, отдаленные шаги, спутанные голоса и сухое щелканье металла. Твердый отчетливый голос лектора неожиданно оборвался и смолк на полуслове. Несколько секунд ничего не было слышно, кроме ровного шума станции, затем что-то стукнуло, точно сбросили на пол мягкую подушку, и сразу, после молчания, чей-то другой

голос, не привыкший, видимо, к передачам, прокричал, торопясь и волнуясь:

— Москва! Москва! Москва!.. Слушайте! Слушайте! Слушайте! Сегодня в 7 часов польский флот вылетел на газовую атаку Москвы. На борту 400 тонн иприта, фосгена в баллонах. Состав: 8 воздухоплавательных дивизионов, сводная эскадрилья бомбовозов, истребительная группа. Всего до 100 единиц. Ждите в Москве от часу до двух ночи... Спешите, спешите, спешите...

Москва! Слушай!

Дальше трубка ахнула громким вскриком, квакнула, точно отброшенная в сторону, и в уши ошалелых радиолюбителей застучали гулкие, раскатистые удары, как обыкновенно радио передает револьверную стрельбу.

На пути Наполеона

Польский флот в это время уже подходил к Смоленску. Сильный попутный ветер, достигавший 14 метров в секунду, ускорял путь, намного превосходя всякие ожидания.

Чистое, почти безоблачное небо давало возможность великолепно видеть землю и безошибочно ориентироваться.

Сами же корабли, шедшие на высоте 6 тысяч метров, были совершенно невидимы с земли.

Правда, острый луч прожектора мог бы нащупать их и на этой высоте, но для этого нужно было знать и внимательно нащупать небо, а гостей никто не ожидал, и вся находящаяся внизу равнина спала непробудным сном.

Напрасно дежурные слухачи внимательно фильтровали эфир, ища признаков тревоги: сообщения снизу были спокойны и безмятежны.

Все шло как нельзя лучше.

Сам начальник экспедиции, генерал Гель, старый беспокойный вояка, начавший свою карьеру еще в австрийской армии, и тот разнежился и позволил себе роскошь — уйти с ледящего ветра рубки в теплую каюту с покрытым уютным инеем иллюминатором.

Маленький «частный» аппарат соблазнял его позвонить домой, к жене, на квартиру в центре Варшавы, но сообщение с кораблем до начала атаки было строго запрещено, чтобы не открыть своего положения. Пелингаторная радиоразведка русских могла поймать всегда передачу, определить по лучшей слышимости направление передатчика, связаться со своей парной станцией, и по точке пересечения пелингов слышимости точно определить нахождение работающей станции.

Из осторожности оставалось только слушать самому.

Гель снял трубку и с тем же чувством, как преступник слушает предсмертные стоны жертвы, стал слушать Москву.

Мощный «Коминтерн» сразу загудел в уши, быстро бросая слова на малопонятном языке. Голос на французском языке давал иностранную информацию о благоустройстве, сообщая, сколько застроено домов, замощено улиц, проведено водопроводов.

Генерал скупо усмехнулся. Вот где ложь большевиков. Через четыре-пять часов эти цифры будут достаточно неверны.

Повернул дальше. Военная ходынская станция передавала без шифра очередной приказ Реввоенсовета. Здесь тоже все было благополучно.

По тайной книжке генерал проверил еще две-три станции крупных центров, где стояли воздушные силы. Станции или молчали, или давали обычные сводки. Чувство безопасности овладело им всецело. Он решил попытаться если не поговорить, то услышать вести из дому.

Было около десяти. Частная станция «Радио Польска» кончала к этому времени свою передачу и, за известную мзду, предоставляла свои антенны для частных разговоров. Жена заказывала первую очередь, и очень часто, сидя в кабинете «Маршала Пилсудского», он слышал голоса жены и детей. Генерал подумал и решительно повернул диск настройки на волну станции. Он попал на середину фразы. Голос, не привыкший к передаче, кричал: «Ждите в Москве от часу до двух ночи... Спешите, спешите, спе...». Дальше в уши генерала забарабанила такая трескотня, что он отнял микрофон. Когда он поднес опять, трубка молчала.

Морщина тревоги на минуту скользнула по лицу.

«От часу до двух ждите...» Кто будет, кого надо встречать?..

Но разум сейчас же успокоил:

«Ну, кто может передавать важное с “Радио Польска”? Просто кто-то передает, что вылетает в Москву. Что же, одним трупом будет больше».

Генерал пожал плечами. От резкого движения сбилась настройка. Прыгающие звуки какого-то шального фокстрота ворвались в трубку и смели последние остатки тревоги.

Генерал поправил настройку. Еще раз прислушался. «Радио Польска» молчит. Он положил трубку, оделся и вышел на мостик.

После света ночь казалась еще темнее.

Несмотря на то, что воздух был необыкновенно прозрачен и даже на такой высоте горизонт чертился на уровне глаз тоном светлее земли, внизу ничего не было видно.

На всем необъятном пространстве светилась жалкая, раздавленная тьмой, кучка огней, похожая на издыхающего в траве светляка, и узкая сероватая полоска, светлее окружающей среды.

Командир «Пилсудского», педантичный, круглоголовый, больше познанский немец, чем поляк, сам стоял в рубке за штурвальным колесом и, упершись взглядом в тьму, даже не обернулся на Геля.

Как каждый командир, он не любил адмирала у себя на борту. Чувствуя здесь свое превосходство «воздушного вол-

ка» над штабным генералом, он с аффектированной вежливостью предупредил вопросы.

— Все в порядке, ваше превосходительство. Прошли Смоленск. Эти огни сзади. Ветер попутный. Скорость до 190. Работа моторов без перебоев. Шалит правый средний, — указал он на контрольную доску, где мигали стрелки тахометров. — Но поломка пустяковая. С «Бельведера» сигнализировали, что у них утечка газа незначительная.

Этимися словами погасил он тревогу в глазах адмирала.

— Радио не было? — осведомился Гель.

— Нет.

— Тревоги на земле не замечено?

— Тоже нет.

— Хорошо.

Генерал вышел из рубки и отошел к перилам. Все идет как нельзя лучше. Прошли Смоленск, тот Смоленск, который в 1610 году стал поперек пути короля Владислава к Москве... больше, чем на год, приковал его к своим стенам и не дал ему надеть русскую корону. А теперь они перепрыгнули Смоленск, даже не заметив. Через 3 часа они в Москве. Теперь, даже если их заметят, то все равно не успеют приготовиться. Машины бешено идут вперед. Вот новые огоньки внизу: Вязьма.

И тотчас генерал вспомнил сведения секретной книжки: Вязьма, 6 эскадрилий: каждая 24 машины — 2 отдельных отряда по 12 машин.

Задали бы они работу, если бы не спали, как сурки.

На войне главное — неожиданность. К черту все рыцарские церемонии! Самое лучшее — войну объявить, когда она уже кончена. Разве иначе смог бы он так победно пройти дорогой, по которой после Наполеона не прошел никто? Он, генерал Гель — второй.

Долго стоял, опершись на борт, адмирал, убаюканный честолюбивыми мыслями и ровным рокотом моторов.

Уже скрылся на горизонте Дорогобуж, давно миновали Вязьму, уже засветлело за горизонтом небо отраженным светом большого города, когда голос капитана окликнул:

— Ваше превосходительство. Прикажете набирать высоту? Подходим.

Генерал вздрогнул, задержал усы, повернулся и после паузы, точно отдавая новое приказание, ответил:

— Набирайте высоту. Сигнализируйте всем, чтобы перестраивались. Пускайте самолеты с бомбами. Распорядитесь включить радио для сообщения с эскадрой. Я иду в броневую рубку. Все сообщения передавать туда.

— Слушаю, — ответил капитан и глазами добавил: «Наконец-то ты займешься своим делом и оставишь меня в покое».

В следующую минуту, точно желая подчеркнуть, что в управлении теперь он полный хозяин, капитан наклонился к доске и, быстро переключая аппарат, заговорил:

— Алло! Моторные. Полный газ 1400. Штурманское. Курс старый. Угол подъема максимальный. Травить носовые цистерны. Боевая часть. Готовь баллоны. Проверить шланги на малой струе газа. Выставить пулеметы верхней площадки. Команде наружной надеть кислородные маски...

Тревожный огонек сигнала замигал на доске.

Капитан рванул трубку и, быстро меняясь в лице, точно заостряясь и серея, крикнул уже без обычной аффектации, решительно и грубо:

— Слушайте. Фонетическая станция сообщает, что изменился звук шумов. Есть подозрение, что с нами идут чужие моторы. Просят прекратить на минуту работу, чтобы проверить.

И, не дожидаясь приказания, рванул другую трубку и крикнул:

— По судам! Прекрати балласт. Сбавь газ. Выключи. Слушай!

И сразу, точно парализованный, заглох многоголосый шум моторов. Большие серые чудовища чутко прислушивались своими огромными ушами в носовой части, собирая мельчайшие шумы и передавая их чувствительной мембране.

Прошла тягостная минута тишины.

— Выключены моторы? — спрашивал темноту флагман.

— Выключены, — отвечали трубки.

Тянулись минуты неизвестности, более страшной, чем опасность. Генерал из-за плеча капитана впился в сигнальную доску. Но доска молчала. Даже указатель пути застыл на месте, остановившись на карте. Генерал машинально взглянул на карту. Стрелка стояла на черной точке с мелкой надписью: «Бородино».

«Странно знакомо», подумал генерал и не успел дать ответа.

Зеленая лампа доски неровно замигала. Капитан рванулся вперед.

— Шум растет. Работают моторы. Направление SW-264.

— Наш путь, — растерянно прошептал капитан, обернувшись к генералу, — выследили.

Генерал молчал. Весь вытянувшись, он прислушивался к тихому, рокочущему звуку, который, зародившись в тишине, рос, становясь уже доступным невооруженному уху.

Стрелка стояла на черной точке с надписью «Бородино».

ЧАСТЬ II. ГАЗ НАД МОСКВОЙ

В поисках защиты

День, который должен был стать для Москвы последним, выдался ясный и солнечный, один из тех дней, которыми дарит иногда на прощанье уходящая осень, и внешне ничем не обещал стать историческим не только для Москвы, но и для всего мира.

Утренние газеты не сообщали ничего нового о войне, и Москва, мало беспокоясь от грохота пушек на Западе, спокойно провела этот трудовой день и к вечеру так же спокойно зажглась огнями цветных лампочек, кино, клубов, театров и световых реклам.

Первые признаки тревоги родились на углу Тверской и Газетного, в здании Центрального телеграфа, в том зале, где принимались комбинированные радиотелефонограммы Москва — Варшава.

В половине седьмого вечера этот аппарат, безостановочно строчивший ленту сообщений, вдруг запутался, вспыхнул огнем тревожного сигнала о поломке и замолк.

В таких случаях связь моментально налаживалась окольным путем, но теперь ни на один провод Варшава не отвечала.

После долгих вызовов, военное радио Варшавы известило, что поломка серьезная, исправлена будет не раньше утра.

Для всякого, немного знакомого с состоянием технических средств, такой ответ был явно неправдоподобен; языку дипломатии, а особенно польской, доверия мало.

Сразу затрещали звонки Наркоминдела и других органов, тесно связанных с Западом и следящих за делами «добрых соседей».

Припомнился перерыв 1926 года, вызванный переворотом Пилсудского.

Чуткая государственная машина тревожно насторожилась. Но пока, кроме догадок, определенной ничего не было.

Особая наблюдательная станция сразу с момента прерыва взяла на себя тщательное наблюдение за иностранным радио.

Усиленные наряды слухачей методически щупали воздух, чтобы ни одна волна не проскочила незаметно мимо слуха.

Сначала радио не давало ничего интересного. Много часов в напряженных ушах звучали шальные фокстроты, патристические речи и писк «морзе», передававший движение цен на биржах старого и нового света.

Уже в самом конце дежурства молодой, безусый парнишка, посаженный больше для практики наблюдать волну, на которой работала только одна маленькая станция Варшавы, вдруг прислушался, оглядывая аппарат. Наблюдаемая станция как-то странно прервала работу. Он хотел проверить настройку и не успел, замерев с протянутой рукой. В монотонную иностранную речь ворвались взволнованные русские слова. Спешным движением слухач рванул рубильник, включавший рупор.

Москва услышала.

Далекий взволнованный голос, огромное волнение умирающего человека за тысячи километров передавалось в город, волной тревоги ударяя по нервам.

Сразу телефонные провода перекинули этот голос одновременно в комнаты Кремля, в стены ОГПУ, в управление РККА, везде одинаково зажигая тревогу.

Тишина неизвестности кончилась. События понеслись с катастрофической быстротой, расширяясь, как круги по воде...

Десять секунд спустя голос, замолкший в рупоре громкоговорителей, возродился в проводах тревожных сигнальных аппаратов.

Две минуты спустя трель телефонных звонков приняла язык сигналов. Захваченные звонками дома, в театрах, в

гостях, на лекциях, люди срочно вызывались в Кремль на экстренное собрание.

В восемь минут темные окна Андреевского зала во дворце загорелись огнями, и Совнарком перенес туда свое заседание для совместного обсуждения мер вместе с военными и общественными организациями Москвы.

На одиннадцатой минуте штаб воздух-охраны сообщил Управлению воздушсил, что он высылает первый заградительный отряд в 30 машин и по мере сбора летчиков будет высылать все возможные силы.

Огромные казармы гудели, как потревоженные ульи, и из ворот одна за другой выезжали, громохоча, батареи за город, на позиции.

На далеких окраинах на аэродромах блестели огни, скрипели ролики раскатываемых дверей ангаров. Запасные дежурные мотористы выкатывали машины, грудью налегая на плоскости.

В ночной темноте, под лучами прожекторов, звучно гудели моторы, и пулеметчики на ходу грузили железные круги обойм в люки кабин.

А высоко в небе, на аэродромных маяках ярко горели красно-желтые сигналы, понятные для всех: «Тревога. Срочный сбор на аэродром...»

Первые машины дежурной эскадрильи уже давно ушли в воздух, а город все еще жил прежней жизнью, смутно только ощущая нарастающую тревогу. Скрыть жуткую правду было необходимо, чтобы выработать хоть какие-нибудь меры против паники, губительной для большого города.

Даже стены Андреевского зала, перевидевшие бесчисленное количество разных собраний, первый раз, наверное, вмещали такую возбужденную массу.

Официальное сообщение о том, что польский флот уже перелетел границу и приближается к Москве, было так неожиданно, что ошеломило многих, даже прошедших суровую школу войны.

Истина, превосходящая все самые фантастические слухи, взвинтила напряжение до крайности.

Многие, считавшие себя в безопасности за полумиллионном штыков Красной армии, не могли поверить, что теперь им самим придется бороться, защищая жизнь.

Но было много людей, которые не потеряли головы, которые ставили общие интересы выше собственного спасения и готовы были жертвовать всем ради них. Они не дали панике захлестнуть собрание, внесли порядок в это последнее, быть может, для многих заседание. Выразителем их коллективной воли стал секретарь Московского комитета тов. Зверев.

Среди шума и ненужных вопросов, когда, казалось, ничто не могло создать делового настроения в этом растерявшемся перед лицом смерти собрании, призванном спасти город, он встал, такой обыденный, не-геройский, в своем сером потертом пиджаке поверх косоворотки, и громко, но без волнения, спокойно объявил, от лица президиума и 300 000 членов московской организаций партии, что они Москвы не покинут.

Под потоком простых, ясных слов собрание начало затихать, прислушиваться, ища спасения в его спокойствии.

Зверев тихо и спокойно, с мягким юмором, заявил, что вопрос первый — о спасении собственной личности — разрешен: спасения нет. А теперь, когда все осуждены погибнуть, снимем этот вопрос с повестки дня и перейдем ко второму вопросу — о спасении города.

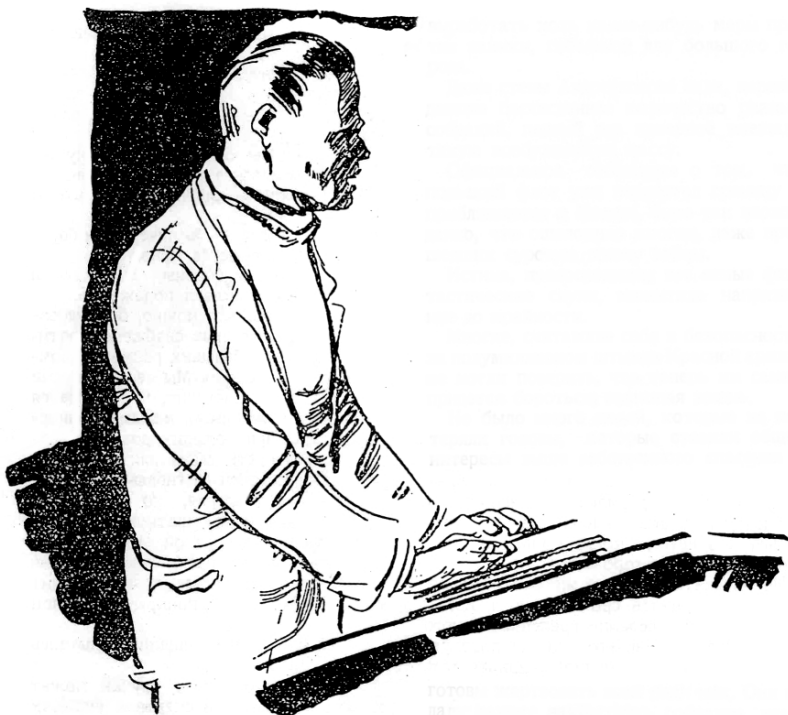
Маневр был смелый. Масса сразу почувствовала вождя, спаялась в одно целое. Момент растерянности прошел.

Но от этого еще более выяснилась страшная своей безысходностью правда.

Неслыханное в истории войн предательство, нападение из-за угла, лишало возможности защищаться от занесенного удара...

Советский Союз всегда ждал нападения и готовился к нему. Москву защищают десятки батарей, все дома снабжены газоубежищами, огромные аэродромы наполнены машинами авиаэскадрилий, но неожиданность удара лишает возможности использовать все самые тщательные приготовления. Артиллеристы не успеют достигнуть батарей, на-

селение — подготовиться к защите, когда польский флот уже появится над городом.

Зверев тихо и спокойно являл, что спасенья нет.

Но опускать руки все же было нельзя. Надо было принять срочные меры, попытаться спасти население трехмиллионного города, который, ничего еще не подозревая, жил обычной беспечной жизнью там, за стенами Кремля.

Первым и самым страшным шагом было объявить о случившемся, правдиво рассказать все так, чтобы не вызвать гибельной паники, и потом уже готовить город к борьбе...

«Флот нашей соседки Польши, еще вчера уверявшей в своем миролюбии, сегодня в 7 часов перелетел границу и сейчас находится на пути в Москву. Рост революционного

движения на Западе, вызванный разорительной войной, заставил Францию нажать на Польшу, вынудив ее на эту авантюру. Разгром Советского Союза — это разгром всего революционного движения...»

Эти простые слова воззвания к населению были приняты и поняты всеми, но они требовали решительных действий, которые надо было продумать и провести в жизнь за оставшиеся 3-4 часа.

Задача почти невыполнимая, как выяснялось с каждым мгновением.

Наш воздушный флот, главная надежда, расположенный в большинстве на западной границе, был на земле, когда поляки незаметно прошли над ним. Догнать их теперь почти невозможно. На одну же свою защиту Москва никогда не рассчитывала, и сил у нее слишком мало, чтобы удержать врага.

Вторая надежда — химическая оборона, оказалась не менее призрачна.

Начальник химобороны, торопясь и волнуясь, так обрисовал положение.

— Сделано все, что можно, оборудованы убежища, население снабжено противогазами, но при больших размерах бомбежки это бесполезно. Мы верили в наш флот, что он не допустит, что придется бороться со случайными, малыми количествами газа. При больших дозах затравливания стойкость газов длится днями. Тогда город обречен на гибель.

Осталась артиллерия, но начальник ГАУ разрушил и эту шаткую надежду. Из практики маневров он вычислил ничтожность потерь противника от огня зенитных батарей, когда враг подходит на высоте 800 метров, прикрытый ночной тьмой.

Напрасно билось совещание, пытаясь найти где-либо помощь.

Казалось, что только случай может спасти от неизбежной смерти в ущельях улиц, от участи затравленных в подполье крыс...

И вот в такую минуту, когда многие уже думали, что выхода нет, это «чудо» пришло. Вернее, надежда на чудо. Пришло незаметно, из задних рядов, белой запиской, поданной комендантом в руки председателя.

«Делегация рабочих Института химической обороны просит сообщить, когда точно можно ждать врага над городом!»

Зал насторожился. Всех остро мучил вопрос: как можно отсрочить ту минуту, когда легкие раздует фосген и желтые нарывы иприта покроют тело, мучительно вытравляя жизнь из ее оболочки. Но прибывших, очевидно, интересовало не это. Пропущенные в зал, они прошли прямо к трибуне, эти четверо: трое, видно, с работы, перемазанные углем и маслом, четвертый в кургузом пиджачке, видимо, инженер.

Первый, широкоплечий, в синей прозодежде, широкими лямками переброшенной через плечи, не стеснясь, вышел на трибуну, в то время как двое других остались внизу, точно сторожа маленького инженера.

— Товарищи, — громко и четко прозвучал сильный голос. — В нашем положении все должно быть двинуто на защиту. Мы знаем это и потому пришли сюда от наших товарищей, рабочих завода при Институте химобороны. Они просили сообщить, что в стенах завода уже давно разрабатывается изобретение инженера Корнева по противогазовой защите городов. Оно должно помочь нам в этот момент.

Рабочий умолк, набирая в легкие воздух, чтобы опять перекрыть до дальних уголков огромное пространство зала. Выплески возгласов прервали секундную паузу.

— В чем же дело? Пускайте его скорее! Чего вы ждете! Спасайте Москву, товарищи!!!

Говорящий с трибуны поднял руку, туша волну выкриков.

— А в том дело, товарищи, что инженер Корнев боится применить его. Он считает, что изобретение не прошло еще стадии нужных опытов и может не дать результата. Он не решается выступать с незаконченной работой, боясь провала. Мы, годы работавшие с ним вместе, понимаем все это,

но в такую минуту борьбы, когда дорог каждый шанс, как назвать такую нерешительность?

— Трусость! — ответил один из стоявших около инженера.

— Да, товарищи, трусость. Кастовый эгоизм, — поддержал оратор. — У нас не было времени убеждать Корнева, и мы решили прямо из цеха взять его и привести сюда. Корнев здесь. Пусть он выйдет и скажет, что он намерен делать.

Оратор умолк. Звонящая тишина наступила в зале. Глаза всех устремились туда, где стояли пришедшие: двое в синих прозодеждах и между ними белый воротничок инженера.

— Слово инженеру Института химобороны, т. Корневу, — прозвучал над залом голос председателя.

Маленький человечек под трибуной вздрогнул, суетливо одернул пиджачок и, споткнувшись о ступеньку, поднялся на трибуну.

Тут многие в первый раз увидели эту коротенькую фигуру, круглое лицо с высоким лбом и выпуклые добрые глаза под круглыми черными очками.

Подслепогато мигая, он обвел выпуклыми очками ряды напряженно вытянувшихся к нему лиц, не спеша откашлялся, и, точно выступая на самом обычном деловом заседании, вежливо поправил:

— Виноват. В данном случае не имею права выступать от имени института. Вы слышали, наши опыты далеко не закончены, и я беру весь риск на себя и на наш завод при Институте химической обороны.

Зал глухо заволновался.

Подслепогато мигая, он обвел выпуклыми очками ряды.

— Что за чудак! Можно ли ему верить? Почему он так спокоен, будничен, говорит, точно не знает, что отнимает драгоценные минуты последних часов жизни...

Но маленький человечек так же спокойно повернул голову в сторону зала, блеснул огоньками люстр в выпуклых очках и коротко, просто сказал нечто немыслимое, невероятное, вновь зажегшее сердца угасшей надеждой, быть может, благодаря своей невероятности. Сказал просто и коротко:

— Задержите врага до трех часов, и я думаю, что спасу Москву.

И в доказательство, очевидно, правдивости своих слов добавил еще более невозможное, но так же просто, точно говорил об обыкновенном пироге с вареньем:

— Мы постараемся спрятать ее под колпак!

Задержать во что бы то ни стало

Военный летчик Гурьев последний раз пригладил щеткой непокорную прядь волос, осмотрел себя в зеркало и поправил воротник форменной рубашки.

Такая редкая тщательность туалета свидетельствовала о том, что он собирался в город.

Действительно, накануне была получка, и каждый истый летун считал для себя позорным, имея деньги, оставаться в свой выходной день в этой проклятой дыре, как не без желчи определяли они местопребывание эскадры — Вязьму. Тем более что авиаэтки Автопромторга, приобретенные в кредит, давали заманчивую и легкую возможность быстро перенестись в Москву, где есть куда тратить деньги.

Эта приятная возможность и определила то, что весь состав эскадрильи уже с раннего утра запасся увольнительными записками «сроком на 16 часов, во все города республики», и теперь по всем комнатам общежития шли деятельная чистка и приготовления к вечеру.

Летчик Гурьев осмотрел себя в зеркало и поправил воротник форменной рубашки.

Не успел Гурьев поставить на место зеркало, и в комнату ввалился подведомственный ему экипаж: бортмеханик Звонарев и наблюдатель Ключенко.

Вся эта доблестная тройка составляла команду линейного истребителя 2-го отряда эскадрильи имени водников «Подарок Каспия».

— Он еще прихорашивается! — возмутилась команда. — А мы-то его ждем, ждем, все жданки прошамали.

— Не спеши. Все равно себя не обгонишь, — охладил Гурьев. — Времени хватает, ветер в хвост, домчим стрелой.

— Так-то так, но только, паря, смываться отсюда не мешает,

— зловеще наклоняясь, пробасил Ключенко. — Шел я мимо штаба, да слышал краем уха, что отпуска прекратили. Взбредет на ум начальству, и совсем отменят. А тогда крак... — он сделал выразительный жест пальцами, сгребая воздух, — тогда плакала наша оперетта.

— Не врешь? — насторожился Гурьев.

— Ей-ей, как пить дать. Разве не знаешь наших гадов? Всегда тревоги в наш выходной устраивают.

И точно в ответ на его слова в углу властно и резко затрещал телефон.

Уже по выражению лица дежурного приятели поняли, что ничего хорошего ждать нельзя.

Так и случилось. Едва успев повесить трубку, дежурный крикнул на все общежитие:

— Товарищи! Приказ из штаба! На аэродроме тревога. Срочно по своим частям!

— Ну, вот я говорил? Опоздали, — уныло глядя на свой новый френч, возмущался Ключенко. — Ах, гады! Я же чувствовал. В другой день тревоги не сделают. Вот марай хорошие костюмы.

Однако воркотня не помешала им быстро одеться и выбежать на улицу. Здесь за дверьми порывы ветра ясно доносили обрывки сирены, подгоняя спешить. Тревога распространялась. Из всех улиц, переулков выбегали люди, заполняя тротуары, в темноте спотыкаясь о тумбы, узнавая друг друга и перекидываясь на ходу словами.

Настроение бежавших было веселое.

— Мы, ребята, прямо из билиардной. Сережка приготовился положить шар, а тут вестовой в дверь.

— А я в гостях был. Только на банку с вареньем нацелился...

— А мы с собрания. Не успели даже о тактике английских истребителей дослушать.

— Ничего, после тревоги дослушаете.

— Может, долго задержат?

— Да как всегда. Добежишь, посмотришь, во сколько секунд, и топай домой.

— А сирена надрывается. В городе не слышно. Ветер от нас.

— В такой ветер заставь на Польшу лететь. Как раки, хвостом поползем.

Переговариваясь, уже выбрались на шоссе, когда яркие огни встречных автомобилей ослепили передние ряды.

Встретили весело.

— Ребята! Машины ждут. Садись. Что там у вас? Пожар, что ли?

И тут впервые, с автомобилями, еще не совсем веря, услышали неясные, жуткие слухи: война.

Не поверили, но сразу точно холодом заморозило от этих слов.

Замолкли смех, шутки. Быстро в тишине наполнялись машины.

Напряженность сковала толпу. Даже веселый Ключенко, который категорически не верил, зябко ежился в машине.

Ветер бил в лицо; машины прыгали по камням, люди в темноте отчаянно цеплялись за борта, напряженно допытываясь друг у друга: правда ли, верить или нет... нет..

Полным ходом свернули с шоссе, проехали редкую елочную изгородь и выкатились на аэродром.

Теперь сомнений в том, что произошло что-то важное, не осталось.

Весь аэродром был по-жуткому нервно оживлен...

Двери ангаров были распахнуты. Аэродромные в брезентовых куртках сутились во всех концах, таща баки с бензином, запасные части, камеры, крышки, меховые костюмы и обоймы патронов.

Все запасные прожектора шипели на вышкам, освещая дрожащим светом бегущих людей.

А там, в темноте, за стартовой чертой, далеко вытянулись ряды блестящих машин, по шести в ряд.

Красные хвосты 2-го отряда, как всегда, стояли справа, во второй линии.

Звонарев заметил первым.

— Наши, придержи, — дернул за плечо шофера.

Машина замедлила ход. Облепившие ее летчики кубарем скатывались вниз, разбегаясь по своим самолетам. Быстро бежали втроем мимо машин, к своему отряду.

Вот командирский «Рыбак-черноморец», в крыло ему «Ловец Байкала», третий «Работник Волги», все еще пустые, четвертый — их «Подарок Каспия».

С одного взгляда убедился, что все готово к полету.

Поперек гондолы меховые костюмы, у толстых колес обоймы патронов, ящик снарядов — для «Гочкиса».

Рядом — пустые бидоны от бензина, и моторист, стоя на колесе, завертывает крышку бака. Первый раз остановившись после стремительного бега, все трое накинудились на него:

— Ну, что Митька, как дела, что случилось?

Моторист помедлил, прыгнул вниз, нервно облизнул губы и, точно боясь, тихо, растерянно повторил то, что они слышали:

— Не знаю. Говорят, война с поляками.

И снова от коротенького слова дунуло холодом, растаяла последняя беспечность. Вытянувшись, насторожились все.

Взгляды всех троих скрестились без слов.

— Так вот она, война, — вздохнул Гурьев. Точно не веря, оглянулся кругом.

И сразу до боли ясно почувствовал в себе что-то новое...

Аэродром, машины, знакомые лица механика, Ключенки стали не такими, — новыми, значительными, четкими.

Не спеша, размеренно, точно не сам, натягивал костюм.

Шутка ли — война? Сразу, без всякого подъема, порыва, вдруг идти убивать.

Пять минут назад сборы в театр, шутки, все такое обыденное, и сразу, без перехода, вой сирены, ветер, свет прожекторов, блеск машин и, может быть, смерть где-то здесь, близко.

Так быстро, неожиданно все свершилось, ломая все привычные представления, что не могло охватить сознание. Бестолково мотались люди, махая руками, сталкивались друг с другом, пытались сказать что-то важное.

Пробежал со свертком карт озабоченный командир отряда, на ходу отмахиваясь от вопросов. Выскочил откуда-то сбоку, в полужастегнутом шлеме, толстый Доброхотов, пилот «Ловца Байкала».

Путаясь в меховом костюме, говорил никому не нужное о том, как сидел дома, пил чай, вдруг жена говорит: «Петя, никак сирена».

Прибежали, запыхавшись, пилот и наблюдатель с «Работника Волги» и жадно набросились с вопросами. Но, кроме слова «война», никто ничего не знал. Люди быстро, механически делали привычное дело.

Гурьев, как все, попробовал мотор, Звонарев проверил все гайки, Ключенко пушку, спуски бомб, пулемет...

Стало хуже, когда окончилась работа. В меховых костюмах было жарко. Незнание томила.

А между тем рядом уже началась работа.

Стоявшая эскадрилья артиллерийских машин снялась, и отряд за отрядом ушла в воздух. Ушел за ними отряд тяжелых бомбовозов.

Дали старт 20 машинам газовой эскадрильи, и они, тяжело жужжа, рулили на линию, когда из дежурки вышли, наконец, начальники отрядов истребительной эскадрильи.

Зоркие глаза летчиков издали разглядели командира своего отряда.

Вытянувшись из кабин, напряженно смотрели, как он бежал, тяжело переваливаясь в полетном костюме, издали махая своим.

Не добежав шагов сто, задыхаясь, крикнул:

— Запускай моторы! Есть задание. Летчики отряда, ко мне!

Быстро из кабин выскакивали летчики. Плотным кольцом окружили командира.

Голос командира тихо звучал из середины, и напрасно прислушивались, вытягивая шеи, оставшиеся в самолетах механики.

Командир говорил коротко, дорожа каждой минутой.

— Товарищи, 35 минут назад, когда мы ничего не знали, польский флот прошел над нами на Москву. Московские эскадрильи выйдут ему навстречу и попытаются задержать. Мы должны поддержать их. Наша задача — догнать поляков. Три отряда эскадрильи, из которых наш — ведущий, идут на семь тысяч, охраняя эскадру от нападения в пути. Тайна полная; до боя радио не пользоваться...

— А теперь, братва, — добавил он просто, — давай прощаемся. Служили вместе и умрем вместе. Потому, скрывать не стану, гроб дело. На победу надежды нет. Велено только задержать, во что бы то ни стало...

На мачте стартера замелькали сигналы: «2-й истребительный отряд — на старт».

Быстро разбежались летчики. Загудели моторы.

— Ну что, брат? Куда? — набросился Звонарев, не успел Гурьев впрыгнуть в кабину.

— На Москву поляки прошли, — догонять.

— А, пся кровь. Насыпем панам, — фанфаронил Звонарев, возясь внизу у мотора. Молодецки налег плечом на винт, крикнув:

— Контакт!

Гурьев включил стартер. Мотор чихнул два раза, отдал обратно и громко запел, обдувая ветром, сразу отрезав их от земли.

Внимательно идя в хвост «Черноморцу», бороздящему костью землю, Гурьев вывел машину на старт. Мигнул стартер сигналом. «Черноморец» окутался пылью, искрящейся в луче прожектора, тяжело побежал, поднял хвост и грузно оторвался от земли.

Сигнал мигнул второй раз.

Гурьев налег на штурвал. Самолет задрожал, рванулся, побежал, прыгая по кочкам, ударился раза два колесами и точно замер.

Далекий огонек сигнала проскочил вниз.

Громадные, обтянутые алюминием колеса, медленно затихая, вертелись уже в воздухе. Аэродром внизу провалился. На то место, где они только что были, в конусный свет прожекторов, выползали самолеты 3-го отряда, похожие сверху на огромных неуклюжих жуков.

Самолет шел выше. Огни внизу быстро расплывались в одно общее световое пятно.

На крыльях ведущего «Черноморца» зажегся сигнал. Гурьев прибавил скорость, вышел на свое место, справа выше ведущего и, убавив обороты мотора, огляделся.

Отряд строился. Справа от него, тяжело гудя, лез на свое место «Ловец Байкала». Влево от ведущего, на длинной стороне стайки, вытягивались три остальных машины.

Все отряды бригады, выстроившись трехъярусным амфитеатром, быстро шли вверх, с максимальным углом подъема.

Начало быстро холодеть. Сидевший в передней кабине Звонарев бросил возиться с пулеметом и застывшими непослушными пальцами застегивал петли шлема. Сидящий сзади Ключенко, прячась от ветра, опустил сиденье под козырек и копался в своей кабине.

Воздух был изумительно спокоен. Машина шла сама, почти не требуя управления. Гурьев проверил приборы.

Несмотря на набор высоты, скорость росла, увеличившись до 220 километров. Высота перешла за 4 000, что было самым выгодным для полета машин этого типа. Предугадывая сигнал, Гурьев вывел машину в горизонтальный полет. Скорость сразу возросла до 260.

Звонарев из передней кабины, обернувшись, махал руками, пытаясь привлечь внимание. Гурьев взял телефон.

— Здорово жарим, паря! — закричала трубка. — Пора уж своих каракатиц нагнать. А там и панов нахлопаем. Всего на сорок минут ушли..

И точно. Новый сигнал приказал:

— На высоту 7 000.

Гурьев прищурился, вглядываясь, кивнул головой, вытащил из чехла кислородную маску и, прибавив газ, снова задрал нос машины. Холод стал еще невыносимее. Он уже пробирался сквозь мех, пощипывая пальцы, даже через электрические подогреватели костюма.

Теперь бригада поднялась выше всех, и далеко внизу поблескивали цветные огоньки остальных машин эскадры.

Сверху, близко, точно над самой головой, горели звезды, чистым белым светом, в десятки раз ярче, чем это видно с земли.

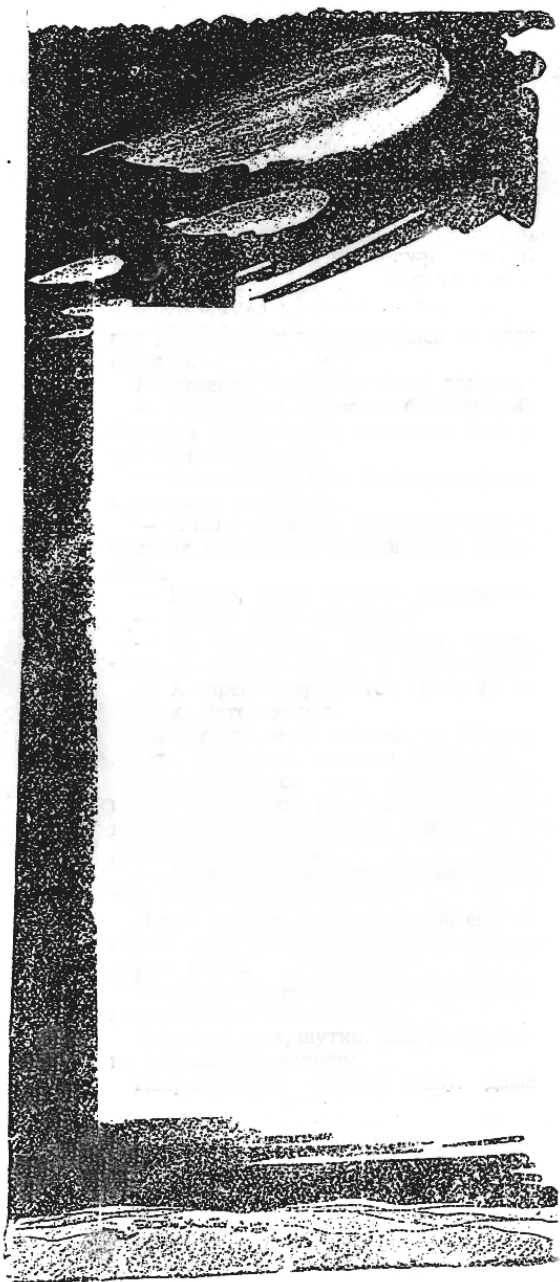
— Паря, не зацепи Венеру! — снова озорно закричал в трубку Звонарев, — холодно драться-то, спиртику не захватили; Москва скоро, а панов нет, зря небось шпилим, на-верное давно винта нарезали.

Он не успел кончить. Далеко в темноте ярким голубым столбом вспыхнул прожектор и, перерезая тьму, повел по небу, выхватывая повисшие в воздухе машины.

В ту же минуту голос Ключенко громко, в телефонную трубку крикнул:

— Павел! Начальник по радио велит задержать ход и приготовиться. Неприятель открыт.

Берегись, Москва!

Неведомые люди обещали спрятать Москву в колпак. Проблема, в осуществлении которой усомнился бы даже сумасшедший.

Но стремление иметь в минуту опасности хоть надежду на спасение, авторитет Авиахима, от имени которого они выступали, были так сильны, что им поверили безоговорочно.

Уверенность, с которой говорил Корнев, директор большинству неведомого экспериментального химического завода, действовала больше, чем его слова.

План, который он развил, быстрый, короткий, пересыпанный массой имен и вереницей химических формул, собранию был мало понятен. Но в таком положении нельзя было отказываться от любой, самой фантастической, самой смелой попытки, дающей хотя бы надежду на спасение. Обсуждать и серьезно проверить предложенный план не было времени.

Потому с такой сказочной легкостью получил он возможность исполнить все свои требования.

Потому пять минут спустя делегация завода, вошедшая в Кремль пешком, уже выезжала оттуда на большой машине, снабженная чрезвычайными полномочиями, в сопровождении военных представителей, обязанных беспрекословно исполнить все приказания.

Всем было ясно, что надо действовать и действовать немедленно, так как дальнейшее сохранение тайны могло вызвать панику, гибельную для города. Слухи о событиях, пока еще сбивчивые, неясные, но уже начали просачиваться неведомыми путями за стены Кремля, находя благодарную почву в населении.

Издавняя любительница всяких сплетен и слухов, при первых признаках тревоги Москва жадно насторожилась и, еще ничего не зная достоверно, только чутьем угадывая нарастающие события, уже зашептала, заволновалась, подогревая сама себя и взвинчиваясь собственными слухами.

Откуда появились слухи, установить было трудно. Виновата была обстановка: ночью шедшие по улицам шоферы, всегда угадывающие тайны своих ответственных седоков, виновата была вся толпа, с любопытством отметившая необычайное оживление в Кремле.

Но так или иначе, Москва заговорила...

Сначала тихо, шепотом, по домам и квартирам, потом все громче и громче, уже в театрах, кафе, на бульварах...

И по мере распространения слухов они расползались все больше и больше, обрастали невероятными вымыслами, волновали своей невероятностью, становясь правдоподобными благодаря отсутствию других сведений.

Не в силах сидеть дома, люди выскакивали на улицу, заполняли тротуары, сбивались в кучи, окружали рупора радио в надежде узнать новости.

Самые нелепые, самые чудовищные слухи находили благодарных слушателей и разрастались с невероятной быстротой, взвинчивая нервы до последней крайности.

В такой обстановке молчать было нецелесообразно.

Заседание уже приняло планы и методы борьбы, и стало проводить их в жизнь. Путь был один.

Провести в три оставшихся часа эвакуацию было немыслимо...

Оставалось бороться. Бороться всеми мерами, от пулеметов на крышах до непонятных формул неведомого химика. Воззвание, с призывом к борьбе, не скрывающее всей опасности положения, было уже составлено и передано в редакции газет, конторы световых реклам, на станции радио-телефонов. Его нужно было объявить массам немедленно и решительно.

Заседавшие в Андреевском зале не боялись правды. Они сами были из той массы, к которой обращались, сами были тесно спаяны с ней, верили в нее и знали, какие слова нужны, чтобы Москва без паники встретила страшную весть.

В одиннадцатом часу ожидавшая на площадях толпа услышала треск из рупоров, ахнула, налегла, жадно насто-рожилась, ожидая услышать слова правды...

В то же время огни световых реклам, равнодушно возвещавшие «Хлородонт» и мыло «ТЭЖЭ», мигнули последний раз, погасли на секунду и четко, быстро стали набирать ряды новых, иных слов...

И сразу электрической искрой районы Москвы, из глоток громкоговорителей, со световых реклам, с экранов редакций, услышав только первые слова, уже закрутились, завихрились взволнованной толпой, забурили, вихрем захваченные в события.

— Слушайте, слушайте, слушайте, — хрипло надрывались глотки рупоров...

— Слушайте, слушайте, — взвивались ярким огнем строчки реклам.

— Слушайте, — мигали экраны редакционных кино.

— Сообщение соединенного заседания при Совнарком СССР, — выкрикивали рупора...

— ...при Совнарком СССР, — нервно мигали кино и лампочки.

— Флот нашей соседки, Польши, еще вчера уверявшей... сегодня, в 8 часов 30 минут... перелетел границу, направляясь к Москве... Наш доблестный Красный воздушный флот вылетел навстречу, чтобы задержать врага... Москва обеспечена средствами обороны... Однако, населению предлагается... — хрипели рупора, — принять меры защиты от случайных...

— Какие меры? Громче, не слышно! — кричали из задних рядов в нервном напряжении, забыв, что говорит машина.

— Молчите! Дайте слушать! — заволновались в толпе, вытягивая шеи, скривляя головы. Стоящие вдали жали вперед, грудью налегая на трамваи и авто, заглушая их шум, только чтобы слышать...

Но уже за первыми сообщениями шли другие, более подробные. Скоропечатные ротационные машины типографий уже выбросили воззвание в сотнях тысяч. Громадные грузовики «Известий», доверху наполненные первыми оттисками, выезжали из ворот, сразу облепляясь густой толпой. Люди на ходу прыгали на подножки, цепляясь за бор-

та, жадно рвали пахнувшие краской листы. Белыми птицами сыпались пачки с автомобилей. Протянутые руки остервенело цепляли, комкали, хватали крутящуюся над головой бумагу, рвали друг у друга из рук в жадной торопливости прочесть первыми.

Мальчишки, выскочившие с экстренным выпуском, были буквально сбиты с ног и раздавлены, оставшись в одну минуту без товара, расхвачанного толпой.

Редкие счастливицы, захватившие номер, стиснутые окружающей толпой, сидя на ее плечах, при свете фонарей бесчисленный раз перечитывали скудные строчки, а прибывавший возбужденный народ требовал все новою и нового повторения.

Все были на улицах. В центре прекратилось всякое движение.

Стиснутые замерли трамваи и авто, не имея возможности пробраться через толпу, которая, подняв головы, жадно читала прыгающие через улицы призывы: «Только в городе спасешься от газов», «Ищи свой противогаз у себя в домоуправлении», «Главная опасность в собственной панике».

На окраинах тревожным хором заливались гудки, ночные смены рабочих, прервав работу, возбужденным потоком выливались на улицу. Громадные пожарные автомобили МКХ с отчаянным звоном, в трепетном свете факелов, носились по улице окраин, звонким сигналом труб вызывая жителей брать огнетушители от зажигательных бомб, а на восточных вокзалах, окруженных цепями усиленной охраны, спешно грузились экстренные поезда ценностями Госбанка, документами наркоматов, всем самым важным, что требовалось вывезти в первую очередь.

Через пятнадцать минут после начала тревоги уже ничто не напоминало той беспечности праздничного вечера, которой только что жила Москва. Город превратился в один сплошной кишаций муравейник. Везде бежали люди, кричали, тащили противогазы, сталкивались, ругались и снова бежали, занятые своим, не обращая внимания на то, что творилось кругом.

Но чувствовалось, что всей этой неразберихой кто-то уже овладел, направляя ее в определенное русло нужного дела. Деловито пробегали стрелковые группы снайперов, выбирая точки, удобные для пулеметов. Дружины Авиахима быстро приводили в порядок домовые газубежища, выкидывая из них всякий хлам: дрова, пустые ящики, которыми забили их ретивые управдомы, используя «бесполезно» пустую площадь.

Санитарные отряды чистили и мыли мобилизованные автомобили, оборудуя их под перевозку раненых.

На людных улицах уже цепочкой раскидывались дружины по борьбе с паникой, освобождая мостовые для движения машин, и зеленые автомобили ПВО ныряли по улицам, скидывая у домов на руки ожидающих жителей груды брезентовых мешков с-противогазами.

Организация обороны охватывала город, и каждый вырванный из паники моментально погружался в работу, целиком отдаваясь ей. Поэтому гудящий кремлевский автомобиль с маленьким возбужденным седоком без фуражки с растрепанными волосами, в круглых очках, съехавших на нос, беспокойно метавшимся в машине, не привлек ничего внимания.

Беспрерывно прыгая, волнуясь, оглядываясь кругом, пытаясь даже на ходу делать какие-то вычисления, он был совсем не похож на человека, в руках которого находится судьба многомиллионного города. Но тот неистощимый запас живой энергии, который чувствовался в нем, невольно передавался другим, захватывая его спутников. Уже в пути он горел работой. Распоряжения сыпались из его уст.

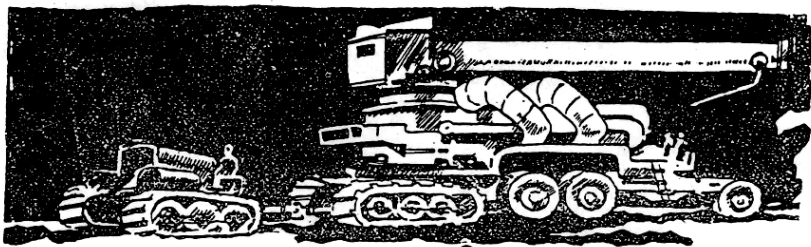
— Товарищи! Будьте добры, сойдите, позвоните по телефону. Справьтесь, высланы ли грузовики на завод. Потом напомните, чтобы все химические самолеты были готовы и вылетали, как получают груз. Кстати, позвоните еще раз на завод. Пусть вызовут все смены рабочих. Велите, не ожидая меня, развозить катапульты. Схема есть у них.

Очевидно, маленький инженер работал не только сам, но умел заставить работать и других.

Едва успела машина, проскочив заставу, выбраться на лакированный асфальт загородного шоссе, как шум моторов донесся из темноты.

Из мрака ночи, приближаясь, росли навстречу какие-то силуэты. Маленький гусеничный трактор, пыхтя, тащил большую черную машину, длинной трубой вытянувшейся в небо.

Быстро проехали они мимо целого транспорта таких машин.

Маленький гусеничный трактор, пыхтя, тащил большую машину.

— Шесть, — отметил военный и сразу услышал детский восторженный голос Корнева.

— Молодцы, работает. Уже выехали. Только бы не подкачали наши машинки. Ведь первый опыт.

Человек с наганом обернулся. Хотел расспросить подробнее, но не успел.

В темноте загорелись огни, машина въехала во двор. Прямо из темноты к подножке бросилась фигура.

— Иван Аркадьевич! Наконец-то! Я без вас все уже выполнил. Машины отправлены. Грузовики на аэродроме. Дал 50 тысяч килограмм последней марки С84. Сейчас отправляю машины в центр.

— Как атмосфера? — напряженно спросил Корнев.

— Сейчас метеорологическая станция сообщила. Влажность минимальная. Ветер стихает. На двухстах метрах 3 м/с, к 500 повышается до 4 метров.

— Хорошо бы удержалось так до утра. Пойдемте, поговорим.

Корнев слез с машины.

В маленькой тесной комнате конторы было жарко.

На большом чертежном столе лежала карта Москвы, размеченная точками и заштрихованная в разных направлениях.

— Вот наша дислокация, смотрите, — обернулся маленький химик и наклонился, поднимая на лоб круглые очки. — Мы ставим наши машины по кольцу Садовой на площадях. Шесть в центре. Район, который они захватывают, около 19½ тысяч десятин. Больше взять невозможно. Остальное на обязанности аэропланов. Одну машину мы оставили здесь. На всякий случай, для заплат, так сказать...

Снова, прерывая, в углу затрещал телефон. Корнев, оторвавшись от карты, снял трубку:

— Алло! Алло! Химоборона? Говорит начштаба воздушного флота. Получено сообщение. Поляки, после полуторачасовой битвы, прорвались под Можайском. Наши части больше держаться не могут и отступают.

— Хорошо! — бросил Корнев. — А сколько еще могут задержать наши силы врага?

— Начальник сообщает, что положение тяжелое. Самое большое наши продержатся еще минут 30-40.

— Так, значит, через час ждать гостей здесь. Ладно.

Корнев повесил трубку. Глаза его заблестели. Голос звучал новыми нотками. Он несколько раз бросил бровями очки, привычным нервным жестом.

— Ну что ж. Выходит, одни мы остались. Давайте начинать.

Все трое снова вышли на двор.

Мимо темных корпусов, мимо складов, где копошились темные тени и фыркали моторы, вышли на заводской двор.

Посреди, на желтом песке, едва освещенная наспех проведенной лампой, стояла машина с поднятым жерлом, такая же, как встреченные на дороге. Около суетились темные фигуры рабочих, укрепляя последние гайки.

Корнев узнавал людей в темноте. Ласковым голосом окликал работающих...

— Ну что, Михеев, как дела?

— Все в порядке, — ответили из темноты.

— Придется наши штучки прямо без опытов в дело пускать.

— Ничего, не подгадят, — любовно ответил голос. — Хорошо, что на опыты, за город, как собирались, не увезли.

— Да, хорошо, — согласился Корнев, — испытаем в деле. У тебя все готово?

— Готово, — ответил невидимый Михеев. И вместе с ним из тьмы, но с другого конца, от конторы, другой голос крикнул:

— Тов. Корнев! Из районов звонят. Машины прибыли и начали действовать.

— Ну, все готово, — вздохнул маленький химик, в темноте бровями подкидывая очки, что, очевидно, служило у него признаком волнения.

— Давай пробный. На максимальную высоту.

Фигурка Михеева, наклонившись, потянула рычаг. Машина дернулась, лязгнула частями, что-то, рассекая воздух, со свистом метнулось вверх.

Прошло несколько секунд. В темноте неба сверкнул огонек, и слабый звук разрыва донесся на землю. И тотчас в этом месте начали гаснуть звезды, точно кто-то невидимый гасил их одну за другой, оставляя большую черную яму на фоне блестящею звездами неба.

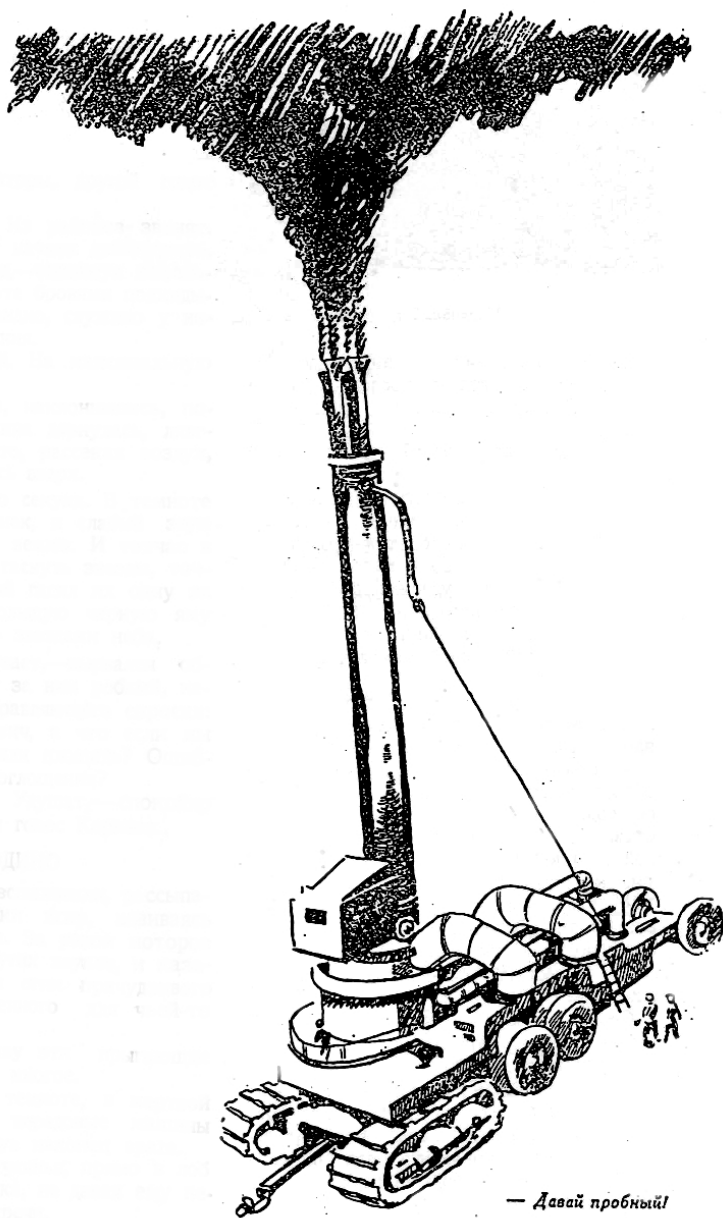
— Хорошо работает, — вырвался общий вздох; и сразу за ним робкий, неуверенный голос управляющего спросил:

— Иван Аркадьевич, а что если мы неправильно вычислили площадь? Ошиблись в расчетах поглощения?

— Тогда конец. Удушат, — спокойно ответил из темноты голос Корнева.

Бородино

На темном небе вспыхивали, рассыпаясь, огненные клубки искр, извиваясь причудливым узором. За ревом моторов не было слышно других звуков, и казалось, что крутят-

— Давай пробный!

ся огни причудливого фейерверка, зажженного для чьей-то забавы.

Но опытному глазу эти прыгающие искры рассказывали многое.

Там, впереди, в темноте, в мертвой схватке, сплелись передовые машины эскадрильи, настигнув наконец врага.

С решимостью отчаянья, прямо в лоб атаковали противника, не давая ему перестроиться для встречи.

Это было заметно по тому, как огненная полоса беспорядочно росла, вглубь и вширь расплзаясь по небу.

Эскадрилья, не уменьшая хода, летела наперерез этой огненной ленте.

— Паша, я думаю, что до них не более 15 километров, — взволнованно кричал в трубку Ключенко и странно непривычно было слышать Гурьеву его незнакомый вздрагивающий голос.

Вытянувшись из кабин, не замечая холодного режущего ветра, — все трое напряженно смотрели вперед, считая секунды, когда машины ввяжутся в бой.

Но ведущий «Рыбак-черноморец» спокойно шел впереди, не подавая сигналов, и Ключенко напрасно водил дуло своего Гочкиса, нервно щелкая затвором. Далеко не доходя до боя, «Черноморец» развернулся и пошел параллельно, набирая высоту. Бригада перестраивалась. В ночной темноте, при близком расстоянии машин — маневр очень серьезный.

Весь поглощенный машиной, Гурьев забыл обо всем.

Зато для остальной команды, сидевшей без дела, эта подготовка к бою была еще более мучительна и взвинчивала нервы.

Слева, под ними, арьергардные дирижабли польского флота, развернувшись двухъярусной висячей крепостью, с обоих бортов свинцом выметали небо, сосредоточив силу огня на том участке, где пытались прорваться атакующие самолеты.

Выше, тысячи на две метров над ними, тонкой цепочкой вытянулись легкие мягкие дирижабли, охраняя гигантов от нападения сверху.

В то время как внизу темные силуэты перекидывались бешено вихрящимся каскадом вспышек, здесь, наверху, был полный мрак, и скорее чутье, чем зрение, улавливало в темных точках контуры неприятельских дирижаблей.

— Погасить сигналы. Прикрыть свет приборов. Полный газ, — крикнул в телефон Ключенко, переводя ход радио.

Автоматически повинаясь, Гурьев выключил ветрянку динамо, надвинул зеленые козырьки на лампы контрольной доски и потянул до отказа ручку газа.

Мерный рокот мотора перескочил в ужасающий рев. Машина задрожала, вибрируя каждой стяжкой, рванулась вперед, толкнув спинкой сиденья своих пассажиров, и полетела, точно падая в пространство.

Теперь уже высунуться за козырек было совершенно невозможно. Ветер моментально сворачивал голову, рвал щеки, набивая воздухом грудь, точно песком бил в глаза.

Компрессоры, захлебываясь, с присвистом нагнетали воздух, зло подвывая.

— Павлик, мотор сожжешь, — слыша нездоровый звук и страдая за свое детище, крикнул Звонарев. Напрасно. Всегда внимательный Гурьев даже не ответил. Впереди на таких же бешеных оборотах уходил «Черноморец». Отставать было нельзя. Он уже ясно понял цель маневра. Бригада хотела обойти верхнюю линию врага и, пикируя сверху, атаковать главные силы противника с наиболее слабого места.

Но этого без борьбы противник не мог допустить. Тотчас же поняв маневр, черные точки развернулись и пошли параллельно бригаде, стараясь находиться напротив.

Началось напряженное соревнование на скорость. Обе линии шли параллельно одна другой, напрягая все силы, чтобы выиграть лишний десяток метров. Летя с огромной скоростью неизвестно куда в пространство, жадно наблюдали друг за другом, ища признаков расстройства.

Такого напряжения долго выдержать было нельзя.

Скоро за темными фигурами дирижаблей показались огненные язычки пламени, которые вытягивались, разрастаясь все больше и больше.

— А, гады! — радостно кричал в трубку Звонарев, забыв, что их собственные моторы задыхаются, надрываясь в непосильной работе, — перегрели моторы. Огонь из труб выкидывает. Сейчас — садут.

Действительно, ровная линия противника растянулась, разорвалась. Часть машин осталась далеко позади, и весь состав противника перед бригадой сильно поредел, растрепавшись в пространстве.

— Готовь пулеметы! — приказал Гурьев, — сейчас, наверно атака.

И в ответ вдруг услышал успокоенный голос Ключенко:

— Не бузи, Пашка. Начальник велит сбавить ход, сигнализировать положение и строиться.

— Что они бухтят? Боятся, что ли? — недовольно рявкал Звонарев, — им все маневры, моторы гонят, — и, не успев кончить, сразу переходя на тонкий фальцет, крикнул:

— Смотри! Поляк горит...

Крик его заставил повернуть головы. Желтовато-красный факел, вспыхнув вправо от них, быстро расширился в гигантский воздушный костер, озаряя небо.

Точно наклеенные на красном фоне, четко замерли польские дирижабли и самолеты эскадрильи, сразу обрисовывая все положение.

С короткого взгляда было понятно, что атаковать нельзя. Все отряды разбились, потеряв всякий строй и связь. Из их отряда только они одни шли за «Черноморцем». Три левых машины сильно отстали, а «Байкал» и «Работник Волги» совершенно пропали, и за короткую вспышку их нельзя было отыскать в пространстве.

В следующую минуту свет стал меркнуть. На фоне горящего костра обрисовались черные переплеты каркаса и остов стал быстро падать, выбрасывая вверх длинные языки пламени.

Перегнувшись из кабины, Звонарев смотрел, пока последняя искра не исчезла в пространстве. Расстроенные отряды добирались, сигналили ведущим и снова строились.

Теперь главная схватка осталась далеко сзади. Дальше уходить было нельзя.

— Курс обратный на 160°. Максимальный набор высоты, — снова передал Ключенко.

Приказ понятный. Не победив на скорость, эскадрилья решила состязаться на высоту и перелететь через врага.

Гурьев дал время надеть новые кислородные маски, развернул самолет и снова дал полный газ. Но на этот раз машина уже не скакнула вперед. Она медленно, тяжело дрожа заиндевелившими стяжками, начала лезть вверх, беря метр за метром.

Высунувшийся снова справа «Байкал» быстро провалился вниз и точно стоял на месте с задранным кверху носом.

— Смотри, смотри. Проняло чертей, — тихо, чуть слышным голосом из-за недостатка воздуха, передавал Звонарев, — завозились.

Теперь отряд шел обратно под углом к прежней линии, и расстояние между ним и поляками медленно сокращалось.

Контуры росли и было видно, как из темных гондол летели какие-то предметы, быстро пропадая за бортом.

«Балласта нет. Вещи выкидывают», радостно подумал Гурьев.

Горизонт медленно серел. Справа внизу по черноте строчили огненные узоры, изредка меркнувшие яркими большими метеорами, падающими вниз длиннохвостыми кометами.

Каждый раз, уловив такой метеор, глаза всех трех провозжали его вниз, пытаясь уловить, чья еще жизнь закончилась огненной точкой: своя — товарища, или чужая — врага.

Но уже оглядываться вниз не хватало внимания. Здесь, наверху, тоже наступала решительная минута.

Напряжение борющихся достигло высшего предела. Казалось, еще минута — и люди не выдержат этого колоссального напряжения. Теперь расстояние сократилось до дистанции огня.

Машина задралась, замедлила ход, свист ветра сразу стих. Ползя брюхом вперед, машина стала оседать на хвост.

Звонарев, высунувшись за борт, спеша выкидывал жестянки с маслом, ключи. Сзади, качнув машину, рывкнула пушка. Это Ключенко, облегчая вес, выбросил в пространство 5 фунтов свинца. Самолет, точно под ударом хлыста, подался вперед. Черные силуэты сползли вниз под козырек. Уже безостановочно грохотала пушка Ключенко. И сразу в ответ на это резкий рокот прошелся по броневой обшивке кабины.

Звонарев резко рванулся и медленно опустился на сиденье.

— Сережка, Сережка! — тревожно закричал Гурьев, но телефон молчал.

Шедший впереди «Черноморец» лег на крыло и быстро скользнул вниз — вовремя! Небо в этом месте вспыхнуло, закипев клубком взрывов. Эскадрилья и дирижабли, столкнувшись искрили вспышками, точно два полюса мощной батареи.

Ррр... ррр... злобно трещало небо, покрывая рев моторов.

Здннь... пак... со звоном рвались пули, ударяя в алюминиевую обшивку.

Прожектор! Дуло Гочкиса два раза плюнуло свинцом навстречу голубому столбу. Третий раз Ключенко не успел. Под самым крылом с грохотом лопнуло небо. Точно из горна печи, обжигая замерзшее тело, дунул горячий воздух, перевернув тяжелую машину, как щепку.

Мелькнул сереющий горизонт. Грудные ремни больно впились.

Только на секунду растерялся Гурьев. Почувствовав знакомое положение ремней, центробежную силу вращения, он сообразил, что случилось. Штопор!

Раз! — замолчали выключенные моторы, два! — вращение прекратилось, засвистал, усиливаясь, ветер. Падали камнем, набирая скорость. Три! — точно пробка из воды, на секунду плотно прижав к сиденью, выскочила машина из бездны. 1½ километра в 16 секунд. Сразу заметно потеплело кругом.

Исчезло ощущение боли в висках и рези в горле.

— Павел, управление не перебили? — первым тревожным вопросом закричал Ключенко.

— А как Звонарев? Убит? Может быть, ранен? Тогда спустимся, а то замерзнет?

— Пошли вперед, — вдруг тихо отозвалась трубка Звонарева, — я ранен, перебита рука, но с пулеметом справлюсь.

— Вызовем начальника, как прикажет, — заколебался Гурьев. — Подождем.

Аппарат Ключенко заработал, давая позывные «Черноморца».

Бой наверху продолжался. Уже три темных массы сбитых, изуродованных машин пронесли мимо них, со свистом рассекая воздух.

— Павлик, пошли туда, не могу, — болезненно кричал Звонарев, — вон еще падает.

На этот раз не падал, а быстро спускался маленький дирижабль мягкого типа. Снаряд, очевидно, пробил несколько камер.

— А ну, посветим, будет работа, — резко крикнул в телефон Звонарев и включил ручной прожектор.

В мигающем свете на желтой оболочке замечались очертания фигурки людей, цеплявшихся за тросы и петли.

— Крой, ребята! — диким, режущим голосом завопил Звонарев.

Бах, бах! — рычит Гочкис. Та-та-та-та! — трещит пулемет Звонарева.

Резкий поворот на месте, машина ложится почти на крыло и снова враг перед носом. Снова таякает пушка и трещит пулемет. На этот раз удачнее. Пулемет срезает целую гирлянду людей, уцепившихся за тросы.

Огонь ручных пулеметиков и револьверов, которым хотят защититься обреченные, не страшен бронированному «Каспию».

Не третий, так четвертый разворот будет последним. ..

Ключенко опережает Звонарева.

Хлоп!

Зажигательный снаряд с треском разрывает оболочку дирижабля и разрывается внутри. Громадный столб пламени вырывается наружу, слизывая прижавшихся людей.

Гурьев смотрит на часы. 40 минут второго. Неужели всего 36 минут назад Ключенко крикнул: «Неприятель открыт!» Но долго думать не приходится.

— Павел! Пашка! — неистово кричал Ключенко, — направо в три гондолы флагман. Пикируй, подожжем.

Флагман польского флота, сам «Маршал Пилсудский» — находился под ними. Ошибки быть не может. Гурьев сразу узнал его по фотографиям.

Не принимая участия в битве, он висит в центре, защищенный цепью дирижаблей и отрядом самолетов сверху.

Камнем падая на «Пилсудского», повел машину Гурьев.

Снаряд Гочкиса пробивает стену средней моторной гондолы, огонь взрыва виден сквозь стекла. Моторы на полутакте обрывают работу.

Навстречу несутся потоки свинца. Весь правый борт «Пилсудского» замигал линиями вспышки.

«Каспий» еще раз проносится над чудовищем. Ключенко, наклонившись, выкидывает ему на спину 35 килограммов тротила в жестяной оболочке.

Попав в заднюю кабину, снаряд проходит насквозь, не взорвавшись, разметав в щепы динамо и электроприборы. Вся внутренность корабля моментально погружается в тьму.

— Пашка, верти! Верти! — истуупленно кричит Ключенко, запихивая новый снаряд.

Нет, не слышится машина. Левый мотор неисправен. Стрелка счетчика оборотов поползла вверх, прыгая, как шальная. В чем дело? Температура воды поднялась до 150° . Гурьев вытянул радиатор под поток воздуха до конца, но температура не падает, зато быстро падает уровень воды в водомерном стекле. Идти в бой с неисправным мотором — верная гибель; через две минуты он станет.

Граната взорвалась над крылом.

— Звонарев! Радиатор пробит!

Раненый механик слышит. Значит, надо выйти на крыло, в темноте нащупать скобы, добраться до мотора и заделать пробой.

Четыре машины насаждают сзади. Обернув пулемет, строчит по наступающим Ключенко. Карманный фонарик Звонарева заблестел у мотора. В свете огня виден пар, струей бьющий из пробитого шланга.

— Сережа, туши, поляки близко, — крикнул, забыв ветер, Гурьев, но поздно... Резким грохотом разрывая мглу, взорвалась граната под крылом. Поток воздуха рвануло Звонарева с крыла. Баланси-

руя на краю, он ухватился рукой за обледенелую скобку. Но в обескровленных отмороженных пальцах не было прежней силы, способной удерживать тело.

Пальцы сорвались и Звонарев, взмахнув руками, вывалился вперед на злобно жужжащие винты.

Город в дыму

Дирижабль «Маршал Пилсудский», на котором находился генерал Гель, руководивший польским флотом в этой исторической битве над Бородиным, пострадал незначительно.

Атака случайного бомбовоза с одной 4-миллиметровой пушкой была для этого гиганта так же мало опасна, как слону дробь. Но уже одно то, что какая-то шальная машина смело прорвалась к нему и обстреляла его, взбесило генерала Геля и лишило его обычного спокойствия.

Электричество не горело. Гель нервничал.

Он броским движением метнулся к доскам.

— Как сигналы, что сообщают отряды? — быстро, шепотом, точно враг был еще близок, забросал он вопросами.

Старший радиотехник крикнул, не отрываясь, без обычного почтения:

— Повреждены все четыре аппарата. Гердке убит, связи нет уже восемь минут..

Крышка генеральских часов сухо щелкает. Гель кладет часы на стол перед офицером и говорит четко и коротко:

— Если через пять минут аппараты не будут починены, я выкину вас за борт.

— Есть, — глотая сразу пересохшим горлом, шепчет радист. Гель не шутит. Подгоняемая ужасом, кипит работа в дрожащих руках.

Щелкает сигнал. Забыв чин и годы, генерал Гель прыжком подлетает к доске. Увы, это только внутренний телефон. Голос капитана хрипит в трубку:

— Ваше превосходительство. Есть сведения, сброшенные на вымпелах. Русские уходят из боя и отступают на север.

— Победа! — радостным воплем срывается с губ генерала, но, сразу овладев собой, строго спрашивает:

— Если у вас связь, собирайте флот, готовьте бомбежку... Определите точно наше местоположение.

— Я уже проверил, — быстро зарокотало в трубке, — с Бородина мы прошли с боем 90 километров на восток. Сейчас мы находимся у самой Москвы.

— Что? — недоверчиво крикнул Гель и, уставясь в доску, стал проверять контрольные приборы. Недоумение все шире разливалось в его глазах. Не поверив, нажал кнопку сбоку. Хлопнув, откинулась доска люка, выходящего на землю. Открывшийся черный квадрат не блеснул ни одной точкой. Бросив трубку, генерал сделал несколько шагов. Прильнул к иллюминатору. Такой же черный мрак колебался кругом, не давая увидеть даже признаков света.

Тогда, вновь взяв трубку, генерал зло и резко крикнул:

— Тут какая-то ошибка! Москвой и не пахнет! Проверьте приборы.

Но трубка, не дожидаясь конца, радостно и громко закричала снова:

— Я опять проверил, все в порядке. Нас еще не снесло ветром и сейчас мы находимся над самым центром города.

— Если так, дисциплине у них поучиться, — крикнул Гель в трубку. — Ни одного огня. Ну ничего, мы посветим, — и, кончив полуофициальную фразу, начальническим тоном приказал:

— По судам эскадры. Снижаться к затравливанию. Дивизион разведчиков на город, связь лично со мной, волна 123.

Едва успел кончить Гель команду, ожидавший сзади радист крикнул:

— Ваше превосходительство. Разведчики все сообщают, что над городом на 400 метров стоит облако, диаметр до 25 километров. Происхождение искусственное. Очевидно, русские применили дымовые машины неизвестной еще мощности.

— К черту облако! — крикнул Гель, — велите им идти через него. Противогазы у них прекрасные. Пусть определят наше место и сообщат мне. Срочно! Я жду!

Наступает мучительная минута. Все готово к игре. Гель проверяет последние мелочи. Все в порядке.

Газа более чем хватит.

Недаром в подготовке был учтен каждый лишний фунт. Бомбами, да и то легкими, вооружены только самолеты. У больших кораблей газ. Легкий, быстрый и надежный газ.

Внимание: каждый жест будет записан историей.

Гель встает, отбрасывая алюминиевое кресло, которое с легким стуком падает на мягкий ковер каюты. Внешне он совершенно спокоен. Подняв кверху глаза, он медленно осеняет себя четким двуперстным крестом и властно, как команду, шепчет: «Помози нам, Иезус».

— Помози, Иезус, — шелестом проносится по кабине... И когда последний телефонист еще торопливо крестится, Гель, отстраняя его, берет ключ и по судам эскадры звучит короткая и страшная команда «В. О. В.».

На фоне розовой полоски зари было видно, как длинные сигары оседают на корму, и из щупалец стометровых шлангов, шипя и волнуясь, выливается голубоватая струя газа, огромными конусами расплываясь вниз.

В четкой предутренней тишине замерли моторы, и сверлящее шипенье выпускаемого газа жутко звучит в воздухе.

Гель полной грудью облегченно вдыхает кристальный воздух высоты 2000 метров. Итак, его задача выполнена. Там, внизу, теперь в безумном ужасе, задыхаясь в спазме газов, умирает красная столица большевиков.

Тонкий настойчивый писк радио прерывает нить мыслей маршала. Знакомый голос командира разведчиков, искаженный таким волнением, которого Гель никогда не слышал, потрясающим сообщением заставляет генерала качнуться в кресле.

— Генерал! Страшная ошибка. Облако над городом не маскировка. Это гигантский противогаз, который впитывает ОВ как губка. Газ города не достигает. Нужно срочно принять меры.

И сразу, подхлестывая и подгоняя друг друга, во всех приемниках запищали позывные разведчиков.

— Облако впитывает газ! Усиьте струю! В городе нет признаков отравления! Спускайте шланги ниже завесы! Дайте по городу бомбежку химическими бомбами!

С каждым сигналом радио, с каждым вызовом снизу лица офицеров штаба становятся серее воротников мундиров. Побелевшими губами они шепчут, точно оправдываясь перед кем-то.

Радиотрубки мелькают в руках Геля, как тарелки у жонглера. Снова пищат вызовы и каскадом сыплются огоньки сигналов.

— Где остались бомбы? В город! Пушки, пулеметы по облаку, по дыму. Прогнать... рассеять! — Борты польских кораблей вновь одеваются огненной лентой. Десять минут, десять драгоценных минут рвутся снаряды в гуще тяжелого дыма. Но напрасно. Вздыхаемые взрывами фонтаны быстро оседают. Черное облако волнуется, переливается, но остается на месте...

Время шло и новый день наступал с неумолимой точностью, все ярче и ярче освещая огромные махины кораблей розовым предутренним светом.

Дальше оставаться было нельзя.

И капитан «Пилсудского» решил напомнить об этом.

Опустив глаза и запинаясь, с трудом, точно стыдясь своего малодушия, он обратился к генералу:

— Ваше превосходительство. Уже светло. Русские батареи за городом начинают пристрелку к нам. На «Кракове» пожар. Остаться опасно. Прикажете набрать высоту?

Гель молчал. Никто не узнал бы теперь в нем властного адмирала, который был здесь полчаса назад. Старик буквально разваливался у всех на глазах.

Но стальная пружина Геля развернулась последний раз. С грохотом упало кресло. Сильные пальцы впились в плечо капитана:

— Отступать? Нет! Это вы приказывайте отступать, а я дрался и буду драться.

Отбросив капитана, оглянулся. Драться, но как? Ничего в руках, кроме револьвера. Пусть.

Сжав рукоятку, бросился из каюты, выбежал на площадку, навстречу ветру, на холод. Перегнулся через борт и с сухим треском выпустил вниз все 25 патронов своего «Борхарта».

Пусто. Перехватил револьвер за дуло и злобно швырнул его вниз. Посмотрел, как мелькнул в тумане.

Рывком выдался над перилами, перевалился головой и решительно, точно бросаясь в воду, сорвался вниз, навстречу «сизому облаку».

*Точно бросаясь в воду, Гель сорвался
вниз.*

Капитан «Пилсудского», выбежав, уловил только оранжевые зайчики восходящего солнца, мелькнувшие в золоте адмиральских нашивок.

— По эскадре. Набор высоты максимальный! Курс на запад, Варшава!

Первый день войны, которой не было, но которая может быть

В этот день утро так и не наступило. Густое черное облако низко нависло над Москвою, скупно пропуская сумеречный свет на переполненные народом улицы. Горели все фонари.

Где-то на окраинах еще догорали пожарища, и красные автомобили устало метались по городу, завывая охрипшими глотками.

У белых палаток с красным крестом, раскинутых на бульварах, толпились люди, обмотанные марлей, из числа легко пострадавших, которым помощь оказывалась тут же на месте.

На тех же местах, где и ночью, отделенные от тысячной толпы узенькой цепочкой красноармейцев, по-прежнему стояли таинственные длинножерловые машины и без устали продолжали свою ночную работу, с железным чавканьем выкидывая в небо свои снаряды.

Все уже знали этих железных спасителей. Каждый новый выстрел вызывал бурю восторгов, каждая заминка — волну сожалений и советов.

Юркие зеленые автомобили Химобороны легко резали расступавшуюся толпу, доставляя откуда-то с заводов все новые и новые порции снарядов прожорливым машинам.

Забыв вечерние страхи, москвичи метались по городу и заполняли улицы уже не от ужаса, а из любопытства, спеша все увидеть и осмотреть собственными глазами.

Но следов минувшей ночи было не так уж много. Наиболее населенный центр почти не пострадал. Только на Театральной площади, упершись одним концом в морды вздыбленных коней Большого театра, а другим в широкие окна Метрополя, догорал обуглившийся решетчатый каркас цепелина.

Любители сенсаций разочарованно вздыхали. Приятно-волнующее настроение жуткой тревоги быстро падало, сменяясь деловыми будничными мыслями. Многие, всю ночь

не расстававшиеся с противогазами и ходившие похожими на одноглазых циклопов, снимали маски и прятали их в чехлы.

Белые полотнища плакатов, расклеенные на стенах, точно магнит, собирали вокруг себя бегущих людей.

«Граждане! Товарищи! — зывали черные буквы. — Нынче ночью Москва подверглась неожиданному нападению врага. Без объявления войны, без всякого повода, вооруженный до зубов польский флот пытался уничтожить город, пользуясь ночной темнотой и нашей доверчивостью... Только самопожертвование наших заграничных товарищей дало возможность узнать о готовящемся нападении за несколько часов, когда всякая защита казалась невозможной. Но трудящиеся Москвы показали, что нет еще силы, которая могла бы погубить рабочий класс».

И, отрываясь от плакатов, толпа взрывами рукоплесканий приветствовала проходящие мимо отряды рабочих, команды Авиацима и дегазаторов, которые четким строем в противогазах направлялись в зараженные случайными бомбами районы для ликвидации последних остатков газа.

Когда по городу пополз черный слух, что в облаке, висящем над головой, до сих пор находится 500 тонн удушливых газов, способных при неблагоприятном ветре опуститься и задушить все живое, паника уже не смогла захватить жителей.

— Корнева, Корнева! Он знает, пусть он скажет, что надо делать — требовали в городе.

Валящемуся от усталости маленькому химику, с криво съехавшими на нос очками, торопливые молодые люди прямо на завод притащили белый кубик микрофона.

— Товарищи рабочие, — говорил Корнев, застенчиво мигая подслеповатыми глазами, в микрофон. — Меня просят

Товарищи рабочие, — начал Корнев...

объяснить вам, угрожает ли нам опасность.. В настоящий момент опасность нам не угрожает. Враг хотел нанести удар, не веря в возможность нашей защиты.. Но мы защищаться смогли. Вам, товарищи, должно быть известно, что практика мировой войны давно дала нам средства борьбы с удушливыми газами. Это средство — противогаз, фильтрующий отравленный воздух через активированный уголь и другие составы. Облако над городом, так нервирующее ваше воображение, и есть этот гигантский противогаз, в котором задержались газы, предназначенные нашим легким. Опасность прошла. Но, товарищи, — звучал в трубку голос и странно было слышать, как в нем появлялись непривычные звенящие нотки, — вы знаете, что нам пришлось пускать наши машины в дело почти без опытов. Успех нашей защиты это скорее удача, чем результат подготовки. В деле обороны больших городов мы все еще слишком неподготовлены. И самый верный способ защиты — это не допускать врага на свою территорию.

Налет больших авиационных соединений на город ясно показал, что даже самая тщательная и хорошо организованная работа ПВО может быть действительна только в дневное время. Ночью же работа защиты чрезвычайно затруднительна.

При высоте свыше 2 000 м, потери нападающих нас только уменьшаются, что уже ни в коем случае нельзя парализовать нападения, а при высоте 3 000 и выше сводятся почти абсолютно к нулю.

Бомбежка же такой большой цели, как Лион, даже с такой высоты не представляла никаких затруднений и могла дать достаточную поражаемость...

— Стоп, стоп! — скажет здесь внимательный читатель. — Почему вдруг инженер Корнев, говоривший о защите Москвы, тут упоминает про город Лион, как известно, на-

ходящийся во Франции? Автор, очевидно, что-то напутал.

Нет, дорогие читатели. Автор здесь ничего не напутал. Просто в конце своей фантастической повести он вставил выдержку из официального документа.-

Перед вами уже не фантазия, а подлинная выдержка из материалов о результатах маневров французского воздухофлота над Лионом в августе 1930 г.

Но, может быть, вам это не нравится, вы не понимаете, при чем здесь Лион; а вам хочется до конца узнать о судьбе Москвы после воздушного нападения. Тогда слушайте.

Клубы дыма столбом поднимаются к небу и закутывают горизонт.

Треск горящего дерева и грохот падающих зданий не может покрыть рокот моторов, доносящийся сверху.

Удачная бомба взрывается у подножья высокой башни. Рушатся ажурные надстройки, падает крыша. Черный дым, ползущий по стене, на минуту сдувается ветром и открывает за обломками крепостных зубцов белое здание, на куполе которого полощет обгорелое красное знамя. Да, красное, с серпом и молотом, потому что горит Кремль и рухнувшая башня — Спасская башня и обгорелое здание за зубцами стены — это — ВЦИК.

— Но, постойте, — скажете вы. — Налет Геля не удался. Кремль никогда не горел, об этом ничего нет в романе..

Нет, читатель, Кремль горел и горел даже не в фантазии автора, а в действительности, зажженный меткими попаданиями бомб, только не с польских, а с английских самолетов.

Горел, правда, не настоящий, а фанерный, построенный как бомбардировочная мишень, близ Хендонского аэродрома в Лондоне. Этот фанерный Кремль и был разгромлен бомбами на маневрах королевских воздушных сил, летом 1928 года, в присутствии высших сановников страны и самого принца Уэльского.

Да, читатель, — это было в действительности; я думаю, что теперь вы поняли, что фантастики, как таковой, вообще нет и не было на всех страницах этой правдивейшей повести.

Многомоторные самолеты, огромные цеппелины, сотни тонн газа, заливающие целые города, разве не над этим трудятся сейчас тысячи ученых Запада?

А защита Москвы, такая фантастическая, разве не может она завтра стать действительной явью? Возьмите один из последних номеров за 1923 год журнала «Наука и Техника» и вы прочтете там об опытах немецких химиков по созданию единого противогаса для защиты больших городов.

И если все это еще не произошло, то не значит ли это только то, что старички в министерских кабинетах еще не сторговались и многомоторные чудища еще ждут и готовятся, чтобы, покорные приказу, перелететь границу и попытаться задушить ненавистную им Страну Советов.

Но послезавтра, завтра, может быть, даже сегодня, они договорятся.

И послезавтра, завтра и даже сегодня мы должны быть готовы встретить у себя их наймитов.

Помните, что в этой борьбе мы никогда не будем одни. Когда бы ни началась неизбежная схватка, всегда в рядах врагов найдутся энтузиасты Рабине, простодушные Фуке, отуманенные патриотизмом Жервье, которые прозреют, объединятся и закричат так же громко, на весь мир, как наши друзья с антенн польской радиостанции, об опасности, грозящей Советскому Союзу.

И наш долг, чтобы их призыв мы встретили готовыми к защите как в воздухе, так и на земле.

Комментарии

Анатолий Евгеньевич Скачко родился 11 декабря 1879 г. в семье полтавского землемера. Учился в Межевом институте и Женевском университете. Опубликовал (под псевдонимом Анатолий Альгин) сборник рассказов «В предрассветном тумане» (1906), драму «А жизнь идет» (1916).

Участвовал в Первой мировой войне (военный топограф, адъютант 131-го пехотного Тираспольского полка в чине штабс-капитана, с ноября 1917 – выборный командир полка). С 1918 г. – член ВКП (б).

Во время Гражданской войны возглавлял штаб Украинской советской резервной армии, группу войск Харьковского направления, в апреле-мае 1919 — командовал 2-й Украинской советской армией. Затем был переброшен на Северный Кавказ, занимался подпольной работой в Дагестане, в 1920 г. пытался заручиться помощью Турции в борьбе против интервенции, сопровождал первую турецкую делегацию к Ленину.

В 1921-1922 г. заведовал художественным отделом Главполитпросвета, в 1922-1923 гг. — Отделом национальных меньшинств Наркомнаца, затем был сотрудником Представительства Дагестанской АССР при Президиуме ВЦИК. В 30-х годах — заместитель председателя Комитета Севера при ЦИК СССР, член редколлегии журнала «Советский Север». Занимался вопросами освоения Крайнего Севера и Дальнего Востока, развитием культуры коренных народов этих регионов и проблемой их интеграции в социалистическое общество и в СССР в целом.

8 августа 1937 г. А. Скачко был арестован, 28 декабря 1941 умер в Каргопольском лагере.

Единственная научно-фантастическая повесть Скачко «Может быть — завтра» была опубликована в 1930 г. в №№ 1-3 журнала «Борьба миров» и стала одним из ранних образцов так называемой «оборонной» фантастики 1930-х гг.

В повести отразились взгляды советского руководства и стратегов РККА, которые на рубеже тридцатых годов считали, что будущая война столкнет СССР с ближайшими соседями — поддерживаемы-

ми Англией и Францией прибалтийскими государствами, Польшей и Румынией.

В период работы над повестью канон «оборонной фантастики» еще не устоялся, и в повести можно найти элементы, вскоре ставшие недозволенными. К примеру, Скачко, постоянно одергивая себя, все же достаточно откровенно описывает царящую в Москве перед налетом польской воздушной армады панику; здесь он ближе любого автора «оборонной фантастики» (за исключением И. Кремлева-Свена в неопубликованном наброске военно-фантастического романа) подошел к предвидению печально знаменитой московской паники октября 1941 г. При этом у Скачко все средства защиты столицы – воздушный флот, химическая оборона, противовоздушная артиллерия – оказываются несостоятельными. Растерянность и страх охватывают и участников заседания Совнаркома; показательно, что наиболее высокопоставленные вожди государства и армии словно устраниются и никак не участвуют в судьбоносных событиях. Спасение приходит не «сверху», не по партийно-номенклатурной линии, но, так сказать, «снизу», из «гущи народной». Спаситель Москвы, инженер Корнев, является как воплощение *Deus ex machina*, и чудодейственное облако его машин не случайно напоминает длань Господню, закрывающую город (эти мотивы выстроены по контрасту с весьма необычной для «оборонной фантастики» сценой молитвы в польском флагманском цешелине перед началом атаки: «Помози нам, Иезус»). «В деле обороны больших городов мы все еще слишком неподготовлены» – замечает автор. Далее следует и более пессимистическое заключение, которое в целом – возможно, не без влияния итальянского генерала и военного теоретика Д. Дуэ – ставит под сомнение какую-либо возможность защиты таких городов от налетов крупных авиационных соединений.

Повесть А. Скачко «Может быть – завтра» публикуется по первому изданию с исправлением некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации. В издании сохранены оригинальные иллюстрации М. Храпковского.

М. Ф.

Оглавление

Пролог	7
Часть I. Париж — Варшава	10
Часть II. Газ над Москвой	73
Комментарии	117

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.